

О НОВЫХ УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОГО БЫТА ¹

[Статья первая]

Возлюбил еси правду и вознена-
видел еси беззаконие: сего ради по-
маза тя бог твой (Псал. XLV, стих. 8).

Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующий государь император начал дело, с которым по своему величию и благотворности может быть сравнена только реформа, совершенная Петром Великим. Царствования Петра III и Екатерины II, Александра I и Николая I были ознаменованы многими благотворительными для государства мерами чрезвычайной важности: жалованная грамота дворянству, устройство областного управления, организация центрального правительства учреждением министерств и государственного совета, издание Свода законов, — каждый из этих правительственных актов был великим шагом вперед и принес неисчислимыя блага государству. Но все они далеко не имеют такого всемирно-исторического значения, какое принадлежит делу уничтожения крепостного состояния в России, начатому рескриптами, названными выше. То были меры, без сомнения, могущественным образом улучшавшие нашу государственную жизнь, но все-таки каждая из них касалась только отдельной ветви ее: корень, из которого возникали почти все наши бедствия и недостатки, оставался нетронутым. [Первая величайшая несправедливость продолжала существовать, и влиянием ее искажались все другие проявления нашей жизни, отравлялись все части нашего государственного организма.] Крепостным правом парализовались все заботы правительства, все усилия частных людей на благо России. Ни правильный ход администрации, ни верное отправление правосудия не были возможны при таком порядке вещей, при котором положение большей части отношений по имуществу не было сообразно с принципами разумности и права, при котором сословие, имеющее своими сочленами почти всех лиц,

руководящих исполнением законов, находилось в условиях быта, решительнейшим образом нарушавших всякую идею справедливости, при котором другое сословие, составляющее почти половину населения в Европейской России, стояло (по выражению, не нам принадлежащему) вне закона². Не могли приносить при таком положении дел никакие правительственные меры надлежащих плодов, не могла даже действовать сколько-нибудь правильным образом государственная организация. Могло ли, например, учредиться правосудие в таком обществе, в котором все значительнейшие и влиятельнейшие жители каждой области, с одной стороны, определяли важнейшую часть своего гражданского быта, свои доходы и свою власть над сотнями и тысячами людей, руководясь единственно произволом, с другой стороны — сознавали, что строгое исполнение закона областной администрацией и внимание судебных властей к жалобам на нарушение закона было бы и стеснительно, и убыточно, и даже, по господствовавшему у нас ложному понятию, обидно почти для каждого из них, влиятельных жителей области. Они должны были на все, что делалось вокруг них, смотреть сквозь пальцы, потому что их собственные действия нуждались в подобной же противозаконной снисходительности. Строгая честность администрации, неукоснительное правосудие во всех странах поддерживается сочувствием и содействием людей, владеющих значительной недвижимой собственностью, потому что они более всех других заинтересованы строгим охранением порядка. У нас было напротив. Ненормальное положение землевладельца относительно людей, населяющих его землю, нуждалось в том, чтобы и все другие отрасли областной жизни находились в таком же ненормальном, беспорядочном состоянии. Возьмем одну только отрасль этих последствий крепостного права — состояние судебной областной власти и земской полиции. Все, в том числе и дворяне, жалуются на неправильность хода действий по этим частям общественной жизни. Повидимому, совершенно от дворян зависело бы отстранить эти неправильности, потому что большинство членов (и в том числе председатели) в уездных и губернских судебных местах и исправники, руководящие уездной полицией, избираются помещиками. Но эти чиновники и судьи избираются с тем, конечно, молчаливым условием, чтобы не вмешивались в сельский быт помещиков. Таким образом по необходимости создается положение неразумное: если бы избранный чиновник вздумал строго исполнять обязанности, возлагаемые на него законом и чувством правды, он восстановил бы против себя людей, от которых зависит его выбор и в зависимости от которых находится он постоянно во все отправление своей должности; стало быть, идут на эти места и удерживаются на них только неисполнением и часто прямым нарушением законных обязанностей. Таково положение избранного. Избиратели же, сами выводя его

на путь, идущий мимо закона и часто в противность закону, не могут подвергать его серьезному отчету за то, что он действует самопроизвольно: только этой произвольностью, по которой он постоянно нарушает закон, когда то считает удобным для себя, и сохраняется неприкосновенность их собственного сельского быта. Все неудовольствия с их стороны на чиновника — мимолетные слова, лишенные возможности примениться к делу; правда, каждому горько бывает в ту минуту, как чиновник по своему произволу берет с него взятку или оказывает ему противозаконное притеснение; но если отнять у чиновника произвол, по гораздо многочисленнейшим и по гораздо важнейшим делам помещик потерпел бы невыгоду; случайное обстоятельство или временное раздражение заставляют иногда землевладельца скорбеть о нарушении закона, но постоянный интерес его состоит в том, чтобы закон не был исполняем. Потворство избранному для того, чтобы самому пользоваться потворством от него, — вот глубочайшее и инстинктивное стремление огромного большинства избирателей. Это стремление не зависит от сознательного или бессознательного желания; оно влагается в натуру ненормальностью отношений, доселе существовавших в сельском быте; оно управляет действиями человека независимо от слов, независимо от его образа мыслей. Тот, чьи домашние дела не могут выдерживать контроля, инстинктивно соглашается на всякие уступки, лишь бы избежать контроля. Независимым и твердым образом может действовать в гражданском быту один лишь тот, кто чувствует себя совершенно чистым и по закону, и по совести в своем быту.

При существовании крепостного права помещик находился в таком отношении к правосудию и администрации, которое подобно отношению к ним человека, имеющего два процесса: один на очень значительную сумму, по которому закон против него, другой на маловажную сумму, по которому закон за него; какого суда, какой администрации будет желать этот человек? Конечно, и совесть, и выгода заставляли бы его желать по поводу маленького процесса, чтобы суд был справедлив, администрация честна и верна; тогда он выиграл бы свой маленький процесс, и по приговору суда взыскание было бы скоро и точно совершено в его пользу администрацией. Без сомнения, это было бы ему приятно; но каков был бы результат справедливости в суде, верности в администрации для его большой тяжбы? Эта тяжба была бы проиграна, и взыскание по ней быстро и неукоснительно было бы произведено с него. Пускай же будут подкупные судьи, — только их продажность может решить тяжбу, для него важнейшую, в его пользу. Пускай же будут продажные администраторы, — только их продажность даст ему средства уклониться от платежа, если суд будет справедлив, или доставить суду подложные сведения, по которым дело решилось бы в его пользу. Разумеется, этот

человек может досадовать на продажность и неправду, по которой проиграет он свое маловажное правое дело, но никак не захочет он изгнать из суда и администрации неправду, которая одна полезна ему по его большому процессу³.

Мы коснулись только одного из бесчисленного множества последствий, возникавших от крепостного права. Какую бы отрасль общественной жизни ни взяли мы, в каждой оказываются точно такие же действия этого коренного зла, как в областном судопроизводстве и управлении. Например, что может быть ближе к сердцу людей, пользующихся и досугом, и избытком, нежели желание дать своим детям образование? Но и в этом случае человек, богатство которого основано на крепостном праве, не имеет ни надобности, ни охоты поступать так, как поступал бы он, если бы он не связан был ненормальными условиями своего быта. Из двух сторон, по которым образование составляет предмет человеческих желаний, ни та, ни другая не имеют при крепостном праве того интереса, какой дается им всякими другими отношениями: практическая польза образованности наименее чувствительна для отца, оставляющего своим детям крепостное поместье, а идеальная привлекательность просвещения далеко уступает в его мнении опасностям и неприятностям, возникающим для него от науки. Справедливость, уважение к достоинству человека — это идеи, непримиримые с крепостным правом, а наука внушает их своему воспитаннику. В человеке просвещенном доходы и власть, проистекающие из крепостного права, найдут порицателя; такой человек едва ли будет способен извлекать из своих крепостных подданных такие выгоды, как тот, кому и в голову не приходило, что этот быт дурен. Лучше же не готовить себе в сыне порицателя, быть может противника; лучше не лишать этого сына способности пользоваться всеми выгодами наследства. Но говорят, будто образование необходимо и для хорошего устройства житейских дел, будто человек с неразвитой головой не умеет открывать источников для увеличения своих доходов? Так, если эти доходы зависят от сообразительности и предприимчивости; но при крепостном праве вовсе не так. Увеличивать господскую запашку или оброк — вот и весь секрет к увеличению доходов; тут не нужно никаких соображений, не нужно даже никаких расчетов; не хуже первого мудреца в мире круглый невежда сумеет сказать своему управляющему или старосте: «Я хочу иметь вместо десяти тысяч пятнадцать; потому приказываю запахивать тяглу на моих полях вместо двух десятин по три или платить вместо двадцати рублей по тридцати». Этими словами оканчивается все дело при крепостном праве: скажите же, к чему тут хлопотать о развитии головы?

Если таково влияние крепостного права на учреждения, уже существующие, на потребности, уже пробудившиеся в обществе, то легко заключить, до какой степени затрудняется им всякое

нововведение, к которому желает приступить правительство для увеличения государственного могущества или благосостояния. Укажем хотя на один частный случай. Постепенное понижение нашего тарифа показывает, что правительство желает избавить народную жизнь от громадных потерь, приносимых крайним развитием протекционной системы. Скажите же, легко ли объяснить огромность этих потерь людям, которые основывают фабрики и заводы на основании обязательного труда, чуждого и противного всякому здравому расчету? Каким образом, например, убедить в невыгодности свеклосахарного производства такого заводчика, который или сам не знает, во сколько обходится труд, употребляемый на его заводе, или говорит: «Мне некуда девать рук; я построил завод потому, что иначе не знал бы, как извлечь из них хотя какую-нибудь прибыль». Это частный случай, мало-важный в сравнении со многими другими. Вообще правильное распределение государственных налогов и повинностей невозможно при крепостном праве; оно делает большую часть населенной территории государства какой-то привилегированной землей, через это до излишества обременяет налогами другую, меньшую часть и значительно уменьшает государственные доходы. Рациональный бюджет невозможен при крепостном праве; этим одним дается уже достаточное понятие о его вредном влиянии на все без исключения отрасли государственной жизни, потому что разумная финансовая система составляет первое условие всего государственного благоустройства.

Дух сословия, имеющего главное участие в государственных делах, организация войска, администрация, судопроизводство, просвещение, финансовая система, чувство уважения к закону, [народная нравственность,] народное трудолюбие и бережливость — все это сильнейшим образом страдает от крепостного права, все искажается им в настоящем, и сильнейшее препятствие в нем встречается каждым нововведением, каждым улучшением для будущего. Много говорили мы о наших недостатках и множество всевозможных недостатков находили в себе, но общий главнейший источник всех их — крепостное право; с уничтожением этого основного зла нашей жизни каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы. Потому-то дело, начатое рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря, представляется столь великим, что по сравнению с ним маловажны кажутся все реформы и улучшения, совершенные со времен Петра. С царствования Александра II начинается для России новый период, как с царствования Петра. История России с настоящего года будет столь же различна от всего предшествовавшего, как различна была ее история со времен Петра от прежних времен. Новая жизнь, для нас теперь начинающаяся, будет настолько же прекраснее, благоустроеннее, блистательнее и счастливее прежней,

насколько сто пятьдесят последних лет были выше XVII столетия в России.

Блистательные подвиги времен Петра Великого и колоссальная личность самого Петра покоряют наше воображение; неоспоримо громадно и существенное величие совершенного им дела. Мы не знаем, каких внешних событий свидетелями поставит нас будущность. Но уже одно только дело уничтожения крепостного права благословляет времена Александра II славой, высочайшей в мире.

Благословение, обещанное миротворцам и кротким, увенчивает Александра II счастьем, каким не был увенчан еще никто из государей Европы, — счастьем одному начать и совершить освобождение своих подданных. Длинный ряд великих монархов во Франции со времен Людовика Святого стремился к делу освобождения французских поселян, и ни у кого из них не достало силы совершить это дело. Благороднейший человек своего времени, Иосиф II австрийский также успел сделать только первый шаг к освобождению своих подданных. Счастливей французских королей и великого чистотой своих намерений императора австрийского были короли прусские; благосклонная судьба дала монархическому правлению Пруссии вполне совершить это благодеяние; но слава его разделяется между двумя монархами: Фридриху II принадлежит честь многих законодательных мер, венцом которых было окончательное уничтожение феодальных отношений при Фридрихе-Вильгельме III. В русской истории вся эта слава будет сосредоточиваться на одной главе Александра II; его рескрипты и полагают теперь начало величайшему из внутренних преобразований и определяют постепенный ход этого преобразования до самого конца.

Из бесчисленных благих последствий уничтожения крепостного состояния в России мы теперь хотим рассмотреть кратким образом только одну экономическую сторону дела, оставляя до будущих статей рассмотрение его в историческом, юридическом, административном и государственном отношениях. Даже и экономическую сторону его мы не беремся изложить во всей ее полноте; мы коснемся только некоторых из вопросов, ею возбуждаемых, именно таких, которые подвергаются в обществе многочисленным толкам и решение которых в пользу освобождения объявляется сомнительным от иных людей, по странному заблуждению воображающих, что их выгоды соединены с сохранением крепостного права.

Прежде всего должны мы говорить здесь о мнении, будто в настоящей степени развития русской жизни сохранение крепостного права могло бы быть выгодным для сельского хозяйства, будто бы с уничтожением обязательного труда должно уменьшиться количество пахотных полей. Не удивительно было бы слышать подобные слова от людей, думающих, что земной шар

стоит неподвижно, а солнце обращается вокруг него, или полагающих, что мы с господствующим у нас крепостным правом богаче всех других европейцев; но изумительно то, что к стыду науки встречаются люди, которые, повидимому, знакомы с политической экономией, а между тем имеют решимость говорить о пользе крепостного права для земледелия. Между ними особенным авторитетом пользуется Тенгоборский. Мы не знаем, действительно ли он думал о крепостном праве так, как писал; мы знаем только, что при издании его книги в русском переводе⁴ переводчик, к сожалению, не рассудил, что честь науки требовала выбросить дурные страницы, написанные Тенгоборским об этом предмете, если нельзя было прибавить к ним примечаний, которыми бы восстановилась искаженная автором истина; мы можем теперь сделать это.

«Многие иностранные и отечественные экономисты, — говорит Тенгоборский, — приписывают почти исключительно нашей системе крепостного права нерадивость поселеннина в обработке как той земли, которую пашет он на помещика, так и той, которую пашет он на себя, и эту последнюю, говорят они, не считает он своей собственностью. Прежде всего мы должны заметить здесь, что вообще ошибочно представляют себе мысли русского мужика о крепостном состоянии и соединенной с ним зависимости и что крепостной крестьянин вовсе не так равнодушен к данной ему земле, как предполагают. Каждый, близко знающий наших крестьян, имел довольно случаев убедиться, что они считают самих себя принадлежащими своим господам, но что в то же время каждый из них считает ту землю, которую пашет на себя, своей собственностью или скорее частью собственности своей общины, частью, выделенной ему по его праву на такой участок, и что, следовательно, он не может быть равнодушен к этой земле. Если, несмотря на то, русский крестьянин часто очень нерадиво обрабатывает свое поле, это надобно приписать скорее другим причинам, о которых мы еще будем иметь случай говорить*. Крепостное право, без всякого сомнения, может и должно иметь неблагоприятное влияние на земледелие, потому что обязательный труд всегда менее производителен, нежели свободный (не с точки зрения выгод владельца, потому что есть случаи, в которых при замене обязательного труда наемным не вознаградилось бы для собственника происходящее от такой

* Эти причины, по мнению Тенгоборского, — общинное владение и наклонность к бродячей жизни. О первом можно еще думать так и иначе, хотя и тут Тенгоборский, по нашему мнению, сильно ошибается. Но какая наивность в экономисте толковать о наклонности к бродячей жизни, будто речь идет о каких-то поэтических бедуинах, а не о прозаическом русском мужике, у которого есть поговорка: «от добра добра не ищут», есть также поговорка: «на одном месте и камень мохом обрастает», и который потому с незапамятных времен сидит всем своим родом на одном месте, если можно кормиться, не уходя с него.

замены увеличением издержек производства), но с общей точки зрения на производительность труда в создании ценностей; потому что обязательный труд исполняется всегда более или менее небрежно, отчего происходит потеря времени и производительных сил и, стало быть, урон в национальном хозяйстве. Неоспоримо также, что крепостные повинности, когда они слишком обременительны, часто отнимают у крепостного мужика средства хорошо обрабатывать свою землю; но влияние этой причины на состояние нашего земледелия не так громадно, как вообще думают. Чтобы судить о степени влияния крепостного права на наше сельское хозяйство, надобно сначала принять в соображение численное отношение крепостных крестьян к свободным сельским сословиям».

Затем Тенгоборский начинает вычисление, результатом которого оказываются следующие цифры:

	Число душ муж. пола
Крепостных крестьян разных наименований	11 683 200
Свободных сельских сословий	11 687 500

Из этой таблицы Тенгоборский делает такое заключение:

«Сравнивая эти два итога, мы видим, что число крестьян, подверженных обязательному труду, равно числу крестьян, свободно располагающих своим трудом, и если принять в расчет, что у многих помещиков барщина заменена оброком, то можно принять, что более двух третей производительной земли возделывается не по системе обязательного труда. Итак, он не может иметь на состояние нашего земледелия такого общего влияния, как думают.

Как ни велики с общей агрономической точки зрения невыгоды обязательного труда, но в настоящее время для значительной части России он еще составляет необходимость нашего земледельческого состояния, потому что: 1) масса свободных капиталов, которые надлежало бы обратить на земледелие для заведения рационального хозяйства с наемным трудом, не соответствует безмерной обширности возделываемых земель; 2) во многих областях ценност сельскохозяйственных продуктов не дала бы ренты, достаточной для покрытия издержек производства; 3) в провинциях, бедных торговой промышленностью, имеющих мало денег в обороте, мужику гораздо удобнее отправлять свою повинность трудом, нежели платить какую-нибудь ренту наличными деньгами. Поэтому иногда поселяне, находящиеся на оброке, менее зажиточны, нежели их соседи, отправляющие барщину, и случается даже, что с оброка они охотно возвращаются к барщине. Это заметил и г. Гакстгаузен при проезде через Симбирскую губернию. Часто также замечают, что мужики, переведенные с барщины на оброк, начинают пренебрегать обработкой своих полей и удаляются из дому, чтобы зарабатывать хлеб менее трудным образом. Наоборот, есть области, в которых замечаются противоположные следствия замены барщины оброком. Везде, где работники легко находят себе наемную работу, как, например, в большей части губерний на Волге, мужикам бывает выгодна такая замена; это и служит доказательством тому, что подобные перемены удаются только там, где им благоприятствуют, и, так сказать, указывают на них местные обстоятельства. Вообще появление желанья и потребности к замене барщины оброком может всегда считаться верным признаком успехов благосостояния и национального богатства.

Какую бы, впрочем, степень влияния на дурное состояние нашего земледелия ни должен был приписать беспристрастный исследователь, с одной стороны, барщине, с другой стороны — причинам, лежащим в самом харак-

тере нашего сельского населения, тем не менее достоверно, что в большей части областей, имеющих плодородную землю, удобный и правильный сбыт сельских продуктов и развитую до известной высоты торговую и промышленную деятельность, — что во всех этих областях и у различных классов свободных земледельцев, и у крепостных крестьян, состоящих на оброке, и у крепостных крестьян, еще находящихся на барщине, мы находим порядочно обработанные поля, наполненные домашним скотом дворы и такую степень благосостояния, какая не часто встречается во многих странах центральной Европы. Г. Гакстгаузен видел тому много примеров, которые и приводит в своей книге.

Этот ученый исследователь провел часть своей жизни в изучении земледельческих отношений общинных учреждений и состояния земледельцев в различных странах и напоследок особенно подробным образом исследовал нравы и общественный быт славянских племен. Чрезвычайно уважая его мнение, мы не можем не привести здесь его слов в подтверждение того, что сказали мы выше относительно обязательного труда.

Высчитав, во сколько обошлась бы в России в Ярославской губернии обработка поместья известной величины наемным трудом и как велики были бы убытки на процентах оборотного капитала, который оставался бы празден в продолжение почти всего долгого зимнего времени по отсутствию производительного занятия для людей, служащих на ферме, и для скота, употребляемого на земледельческую работу, и сравнив эти издержки с доходом от такой земли в России, во Франции и в Германии *, Гакстгаузен приходит к следующим заключениям:

Если бы кому-нибудь предлагали в Ярославле подарить поместье под тем условием, чтобы он завел там хозяйство в таком же виде и по тому же порядку, как в Западной Европе, то он должен бы, поблагодарив за такое предложение, решительно отказаться от него: он не только не получил бы от такого хозяйства никакой выгоды, никакого чистого дохода, но и оставался бы каждый год в значительном убытке.

Из этого видно, что в подобных областях владелец поместья не может обрабатывать его наемным трудом, но с тем вместе он не может и оставить его. Земледелие — тут не коммерческое предприятие, рассчитывающее на выгоду, но обязанность, возлагаемая железной необходимостью (eine eiserne Nothwendigkeit).

При настоящем положении дел я должен выразить следующее мнение о сельском хозяйстве этих областей России. Большие хозяйства могут здесь поддерживаться только двумя способами, именно: или посредством барщины, так, чтобы земледелец не обязан был сам содержать своих работников, содержать скота и других принадлежностей земледелия, иначе сказать, чтобы расходы обработки не лежали на нем; или посредством введения такой системы хозяйства, связанного с промышленными предприятиями, которая доставила бы способ с выгодой пользоваться производительными силами, остающимися без земледельческого занятия во время долгой зимы, пользоваться в это время рабочими руками людей и силой домашнего скота. Обстоятельства, благоприятные последнему устройству, встречаются редко.

Существование известного числа больших поместий я считаю для этих стран совершенной необходимостью; потому что без них нечего и думать об успехах земледелия, которые для России гораздо нужнее, нежели до сих пор думают.

Итак, Россия имеет нужду в помещиках, которые жили бы в селах, как имеет нужду и в классе людей, населяющих города; и земледелие не могло бы развиваться, если бы дворянство не владело поместьями и сельскохозяйственными заведениями, делающими для него выгодным и необходимым жить в деревне. А если существование больших хозяйств необходимо для успехов

* Этот расчет приведен в нашей статье с книги Гакстгаузена: «Современник» 1837, № 7, Критика.

сельского хозяйства и национального благосостояния, то само собой следует, что в настоящую минуту крепостное право не может быть еще отменено; но оно может быть подчинено более точному порядку, введено в более нормальные границы, ограждено законными условиями, которыми с точностью определялись бы обязанности крестьян для удаления злоупотреблений и произвола, именно такова цель указа 2 сентября 1842 года» (Гакстгаузен, т. 1, стр. 174 и след.).

«К этим практическим и благоразумным замечаниям (продолжает Тенгоборский) мы должны прибавить, что русский мужик не подлежит, как некогда подлежал французский поселянин, безотчетному наложению произвольных податей и повинностей (*taillable et corvéable à volonté*), что если он подвергается иногда несправедливым повинностям, то это может случаться только по злоупотреблению и в противность существующим законам. Указ императора Павла, данный в 1797 году, определял тремя днями в неделю высшую степень барщины, и последующие законы постоянно стремились к правильному определению всего относящегося до этой повинности.

Нельзя также не видеть, что время и нравственный прогресс оказывают постепенное и неоспоримое влияние на смягчение суровости обязательного труда и производят все больше и больше добровольных соглашений, которыми мало-помалу натуральные повинности изменяются в личную ренту (*rente personnelle*, рента, лежащая не на земле, а на самом человеке, иначе сказать — оброк), которая, в свою очередь, может со временем обратиться в поземельную ренту; последняя замена и начинает уже производиться в государственных имуществах (Тенгоборский говорит о переложении податей с душ на землю). Но, внимательно наблюдая чрезвычайно различные последствия этих отдельных случаев соглашения, следствия, изменяющиеся по различию областей и местностей, легко убедиться в трудностях, препятствующих общей мере, которая имела бы в виду систематически и по однообразным условиям определить отношения крепостных крестьян к их владельцам. Мера, которая успешна была бы в той или другой местности, могла бы иметь самые вредные последствия в другой, и г. Гакстгаузен очень справедливо говорит, что освобождение крестьян в России непременно должно быть решено по местным условиям, а не однообразно по всей империи*.

В тех областях, где земля неплодородна и неудобна для обработки, где ее произведения не покрывают потребностей земледельца, где он должен в других занятиях искать вспомогательных средств для своего прокормления и уплаты повинностей, там обращение барщины в личную ренту столько же требуется выгодой крестьянина, как выгодой владельца; но эта замена может быть выгодна тому и другому только в тех местах, где работнику легко найти себе занятия. Этими причинами вызываются и размножаются подобные добровольные соглашения в местностях, где мало пахотной земли и где излишние руки и излишнее время легко находят выгодные себе занятия. Напротив, в тех местностях, где пахотных земель много, где почва плодородна, где жатва превышает потребности населения, где в то же время есть удобный сбыт для земледельческих произведений, владельцу часто бывает выгоднее обрабатывать свои поля барщиной, но зато в этих местах барщина не мешает благосостоянию земледельцев, и когда она заменяется оброком, такая замена скорее бывает следствием взаимных удобств, нежели мерой, необходимо требуемой местными обстоятельствами. Потому чрезвычайно трудно закону регламентировать все эти обстоятельства по общим принципам, заранее определенным.

Независимо от мер, принятых правительством для приведения барщины в правильные границы, есть другие меры, могущие сделать барщину трудом более производительным и в то же время повинностью, менее обременительной для крестьян, и зависящие всего более от самих владельцев. Одна из

* Die Leibeigenschaft und ihre Aufhebung oder Umwandlung müsste in Russland stets eine Local-Frage, keine allgemeine Staats-frage sein (Гакстгаузен, примечание к стр. 178, т. 1).

этих мер состояла бы в замене поденщины работой по урокам, так, чтобы вспахать поле или выкосить луг известной величины считалось за столько-то или столько-то дней барщины. Таким образом, прилежный земледелец мог бы скорее отправить свою повинность и иметь больше времени для собственной работы. Это могло бы делаться по полюбовному соглашению, как теперь делается соглашение между общиной и владельцем для замены барщины оброком. Отдельные примеры такого положения уже существуют в некоторых местах, и г. Гакстгаузен приводит один такой случай, встреченный им в поместье г. Бунина в Тамбовской губернии. Надобно желать, чтобы эти отдельные примеры находили больше подражателей. Барщина, таким образом видоизмененная и сообразованная с справедливостью, была бы значительным улучшением в сельском хозяйстве. Но мы удерживаемся от суждения о том, до какой степени повсеместна исполнимость такого изменения. Каковы бы ни были, впрочем, изменения, которым может в будущем подвергнуться и, без сомнения, подвергнется со временем система барщины, эти изменения будут иметь только второстепенное влияние на состояние нашего земледелия, пока не будут более или менее изменены другие условия, в которых находится наше земледелие» *.

Из всех известных нам рассуждений в пользу обязательного труда эти страницы Тенгоборского представляют самый рассудительный свод экономических соображений. Потому мы и выбираем этот отрывок, чтобы видеть, до какой степени могут быть логичны и сообразны с фактами подобные соображения.

«Многие экономисты думают, что крепостное право вредно для обработки полей». Многие! — после этого можно сказать, что многие астрономы думают, что земля обращается вокруг солнца. Почему ж бы не сказать точнее: за исключением меня, автора книги *Etudes etc.*, и Гакстгаузена — все экономисты.

«Наш крестьянин считает поле, которое обрабатывает на себя, своей собственностью или, лучше сказать, собственностью своей общины». Правда, и этот факт мы должны запомнить как можно тверже; но какой вывод делается из него Тенгоборским? «Потому наш мужик не может дурно обрабатывать эту землю». Да разве мнением мужика отстраняются причины, препятствующие ему хорошо обрабатывать эту землю? Во-первых, тут надобно исключить всех поселян, состоящих на оброке: как известно, оброк определяется сообразно средствам мужиков заплатить его. Если деревня не может выплачивать более 20 рублей серебром оброка с тягла, она и будет платить 20 руб.; но если является у мужиков хотя несколько более денег, вы увидите, что оброк не замедлит возвыситься; исключения встречаются, как известно каждому, но встречаются очень редко. Как общее правило надобно принять, что оброк при каждой смене владельца возвышается, если только есть физическая возможность возвысить его. Каждому известно, что [очень] часто возвышение оброка происходит иногда по несколько раз и при одном владельце. И вот из двух способов получения доходов при крепостном праве один способ, оброк, является уже совершенно прямо задерживающим старательность поселянина в обработке своего участка. Обраба-

* *Études sur les forces productives de la Russie*, 1854, t. I, стр. 325—339.

тывает он его плохо и получает с него 10 четвертей хлеба; он платит, положим, 20 рублей серебром оброку. Начни он и другие крестьяне той же деревни обрабатывать свои участки лучше, и пусть возвысится сбор хлеба до 15 четвертей с участка, — все крестьяне знают, что вслед за этим оброк не замедлит возвыситься до 30 и хорошо еще, если только до 30, а не до 40 рублей. Спрашивается теперь, может ли эта перспектива возбуждать их старательность, или скорее она повергает их в апатию, заставляет обрабатывать поле как-нибудь, лишь бы только прокормиться? Ведь им известно, что, какова бы ни была их старательность, в результате за уплатой оброка останется им на долю одно и то же.

Но если оброк и действует прямее, очевиднее, то все-таки его действие не так сильно, как влияние барщины. Тенгоборский, заимствовавший все свои сведения о сельском быте нашем исключительно из книги Гакстаузена⁵, мог не знать, каким образом применяется к делу обычай, утвержденный законом, о трехдневной барщине. Есть поместья, в которых исполняется он по точному своему смыслу, то есть, например, три первые дня недели берутся крестьяне на барщину, а последние три дня оставляются крестьянам на свою работу, или своя и барская работа идет через день. Но редки случаи, в которых бы этот порядок сохранялся неуклонно. Большей частью он изменяется по одному из трех следующих способов. Первый способ: назначение того, в какой день крестьяне отпускаются на свою работу, определяется соображениями распорядителя господских работ; например, в понедельник крестьянам следовало бы по очереди дней идти на барский сенокос, но помещик или управляющий видит, что погода неблагоприятна для сенокоса, и потому отпускает крестьян в этот день на их работу, а потом в зачет этого дня назначит барщину в четверг или субботу, когда погода будет хороша. То же бывает и во время пашни. В ночь с воскресенья на понедельник выпал дождь, — и вот назначается в этот день барщина, хотя бы по очереди дней приходилось и не так. Очевидно, что такой порядок, нарушая правильность работ на крестьянских полях, отнимая у крестьян возможность делать предусмотрительные распоряжения для своих работ, наконец, перенося эти работы на неудобное время, не может не иметь влияния как на обработку крестьянских полей, так и на самый характер работников. Но еще произвольнее и неблагоприятнее второй способ, если не ошибаемся, самый употребительный, по которому принимается за правило, что деревня должна сначала окончить господскую работу сплошной барщиной без очереди дней и потом уж отпускается обрабатывать свои поля. Соответственность обычаю, определяющему число дней барщины равным числу дней работы крестьян на собственных полях, полагается при таком порядке в том, что крестьянским полям дается приблизительно такой же размер, какой имеют

господские поля. Очевидно, что невыгоды, чувствительные в первом способе, развиваются здесь еще сильнее: вообще говоря, и при запашке, и при сенокосе, и при жатве все наиболее благоприятное время занято обработкой господских полей, а для крестьянских остается уже наименее выгодное время; на этих последних и при таком порядке все работы производятся спустя пору; пахня и посев делаются поздно и чаще всего при дурных условиях погоды, когда земля уже слишком много утратила соков со времени таяния снегов, а пора весенних дождей обыкновенно уже прошла; уборка хлеба на крестьянских полях делается очень часто тогда, когда хлеб уже перезрел и много зерна уже осыпалось из колоса на корню; очень часто подспевают к этому осенние дожди, и хлеб на запоздавших полях поляжет от них на корню. К этим неудобствам присоединяется неизбежно еще та невыгода, что крестьяне приступают к обработке своих полей уже не с свежими силами, а утомленные предыдущей работой, и рабочий скот их бывает также уже истомлен. Обе эти невыгоды неизбежны и постоянны. Но часто присоединяется к ним еще то обстоятельство, что размер господских полей превышает ту норму, которая соответствовала бы трем дням барщины. Надобно притом сказать, что часто первый способ соединяется со вторым, то есть при обработке господских полей раньше крестьянских дни дурной погоды передаются из барщинной в собственную работу крестьян. Нельзя забыть и того, что трехдневная норма, поставленная обычаем, не всегда соблюдается: размер господских полей зависит от расчетов землевладельца и достигает иногда такого объема, что требует четырех и даже более дней в неделю. В некоторых местностях есть третий способ отправления барщины: крестьянские тягла распределяются по хозяйствам так, чтобы в каждом хозяйстве было четное число работников, именно два или четыре. Если в семье только один работник, к этой семье в дом поселяют семью батраков, имеющую также одного работника. Тогда из двух работников один (обыкновенно хозяин) все время остается работать на своем поле, а другой (обыкновенно батрак или младший родственник) все рабочее время бесценно отправляет барщину. Очевидно, что этот способ имеет новые стороны невыгодного влияния на характер работы: крестьянин, постоянно отправляющий барщину, без сомнения привыкает к небрежному и сонному труду; через такую школу проходит почти каждый крестьянин, прежде чем сделается главой семьи, и проходит он эту школу нерадивости именно в тех годах молодости, когда формируется характер человека и приобретаются привычки на целую жизнь.

Таковы-то способы исполнения барщины, разделяющие между собой почти все количество крепостных крестьян, состоящих на барщине. Кто знает их, тот не может сомневаться, подобно Тенгоборскому, в том, велика ли степень невыгодного

влияния барщины на обработку даже тех полей, которые предоставлены крестьянам. Мы не говорим уже о том, что обязательный труд вообще чрезвычайно вредно действует на трудолюбие и энергию, на образование привычек к бережливости временем и средствами. У каждого экономиста можно найти превосходные, проникнутые благородным жаром страницы об этой общей черте обязательного труда; мы хотим обратить внимание читателя на то, что способами пользования обязательным трудом, у нас господствующими, еще в значительной степени увеличиваются те невыгоды, которые уже лежат в самой его натуре.

Внимательный читатель, конечно, чрезвычайно дивится тому странному направлению, какое принято нашим рассуждением о невыгодах обязательного труда в обработке полей. «Говоря, что такой труд не производителен, каждый рассудительный человек думает преимущественно о тех работах, которые совершаются этим трудом, то есть о работах на господском поле (готов нам заметить читатель); по какому же нелепому уклонению от здравого смысла рассуждаете вы о его влиянии на крестьянские поля, когда дело должно идти о его влиянии на господские поля? Вы совершенно сбились с дороги». Да, действительно, мы совершенно сбились с дороги, пошедши вслед за нашим автором; это он рассудил придать такой оборот вопросу; ловкость изумительная и смелость еще более изумительная! Он должен опровергнуть мнение всех без исключения экономистов, что барщина — работа самая непроизводительная, и опровергает он эту мысль чем же? Тем, что на своих полях крепостной крестьянин работает усердно. Ему говорят: человек плохо исполняет обязательный труд, он возражает: «Обязательный труд не так плох, как вы думаете, потому что свободный труд на собственных полях исполняется крестьянином недурно, стало быть [крепостной крестьянин трудится хорошо, стало быть] ваша мысль, будто он трудится плохо, совершенно неосновательна». Такая [открытая] софистика невероятна, однако же действительно к ней отваживается прибегать наш автор. Пусть припомнит читатель его слова: в них [нет и помину] о господских полях, он все возражение против обязательного труда сворачивает на крестьянское поле. «Мы должны заметить, что ошибаются, думая, что будто крестьянин равнодушен к своему участку. Люди, знающие нашего крестьянина, знают, что он очень дорожит своим участком и любит его и старается возделывать как можно лучше, а если иногда возделывает плохо, так не от того, о чем вы говорите, а разве от других каких причин». После такого поворота говорите, если хотите, о добросовестности, об учености и тому подобном; мы удивимся только отважности, с какой тут предполагается, что читатель — тупоумный простак, провести которого можно самым грубым обманом.

Но для нас очень приятен тот оборот, по мнению автора очень искусный, которым он думал увернуться от мысли о невы-

годности обязательного труда. Этот оборот заставил нас вникнуть в ту сторону сельского быта, которая на первый взгляд представляется не подверженной вредным действиям обязательного труда. Мы рассмотрели, имеет ли какое-нибудь действие даже на ту работу, которую крестьянин совершает для себя, то обстоятельство, что он подлежит также обязательному труду, и мы нашли, что это действие очень сильно и очень вредно; таким образом обнаружилось, что даже тот уголок, в котором вздумал укрыться защитник обязательного труда, не дает ему ни малейшей защиты, и хитрый оборот адвоката неправды послужил только к тому, что вредное действие неправды раскрылось в большем объеме, нежели как представлялось бы с первого взгляда; сверх того от хитрости, придуманной нашим автором, мы получаем то преимущество, что она служит для нас признанием с его стороны невозможности отвергать то вредное влияние барщины, которое обыкновенно указывается политической экономией. Он не отваживается и говорить о том, производительна ли обработка господских полей обязательным трудом, — значит, он сам признает эту невыгоду, и нам уже не для чего много распространяться об этом; скажем только два-три слова.

Поместья Замойских, по освобождении крестьян на них, стали приносить в три раза более дохода.

Граф Бернсдорф, великий датский министр, желая показать датским помещикам невыгоды обязательного труда, приводил им в пример свои собственные поместья, в которых он освободил крестьян; и, действительно, пока его поля обрабатывались барщиной, средний урожай ржи на них бывал сам-3, а овса сам-2²/₃, а когда он стал обрабатывать их по найму, урожай ржи возвысился до сам-8¹/₃, а урожай овса до сам-8.

Датских помещиков останавливало то, что освобождение крестьян на первый раз стоило некоторых пожертвований, но Бернсдорф мог доказать незначительность этих жертвований своими приходо-расходными книгами. Освобождая крестьян, он терял сто тысяч талеров капитала; зато доходы с его поместья быстро стали возрастать в пропорции еще гораздо большей, нежели какая видна из сравнения урожаев. Поместье с обязательным трудом давало ему три тысячи талеров, через 24 года он при свободном труде получал с этого поместья двадцать семь тысяч талеров; стало быть, если его земли вместе с крепостными работниками могли быть проданными за полтора-два тысяч талеров, то теперь, по освобождении работников, эти земли стоили в девять раз более или 1 350 000 талеров, — выигрыш, кажется, достаточно вознаграждающий за видимую потерю ста тысяч талеров при освобождении. Таких примеров представляются тысячи всеми странами, где совершалось освобождение крестьян. Повсюду неизменно оно было соединено с быстрым возвышением доходов помещика, освободившего крестьян. Да и может ли быть иначе?

Нужно только вспомнить, в какой именно пропорции наемный труд производительнее обязательного. Негры в одну послеобеденную половину дня успевают сделать столько же, когда работают на себя, сколько в целый день на барщинной работе. Такова разница между свободным и обязательным трудом даже того человека, энергия которого подавлена и силы которого истощены обязательным трудом. Но еще значительно становится она, когда человек успеет отвыкнуть от апатии, свойственной крепостному состоянию. Наемный труд такого человека производит в день слишком в три раза больше, нежели день барщины крепостного работника*.

Не можем отказать себе в удовольствии привести также несколько примеров из множества фактов, представляемых превосходным «Статистическим описанием Киевской губернии», которое составлено покойным Журавским и издано г. Фундуллеем. Мы употребили слово: «удовольствие», и действительно трудно иначе назвать чувство, производимое длинным рядом фактов, неразумность которых доходит до поразительного комизма, фактов вроде следующего. В поместьи, имевшем около 250 взрослых работников, отправлявших барщину, все число барщинных дней простиралось до 45 тысяч в год; из них на полевые работы употреблено менее 12 тысяч дней, то есть около четвертой части всего труда. На что же были потрачены три четверти рабочих дней? Некоторое количество из них было употреблено на работы производительные, а другие дни разошлись вроде следующих; 1 900 дней потрачено на господский сад и огород. Этот сад и огород доставляли фруктов и овощей столько, что иногда было их достаточно для господского стола, а иногда и недостаточно (наверное на фрукты и овощи к господскому столу, если бы они производились наемной работой или покупались, не было бы употреблено и той суммы, какой стоят хотя 500 рабочих дней; а тут при 1 900 днях нужно было еще прикупать). На починку печей и беленье комнат и т. п. в господском доме употреблено 950 рабочих дней; на выделку холста, кож, сапогов, для господской экономии употреблено дворовыми людьми и крестьянами слишком 11 тысяч рабочих дней и все-таки не выделано было столько кож и холста, чтобы обути и одеть дворню, — нужно было много прикупать. Итак, почти столько же, сколько на все хлебопашество, потрачено было рабочих сил на производство платья для дворовых людей, да и того оказалось мало. Превосходны также факты такого рода: была при господском хозяйстве молотильная машина; работа ею заняла около 5 800 дней, и обмолочено в эти дни около 4 200 копен хлеба, так что результат рабочего дня при этой машине давал менее, нежели

---

* Principes d'Economie Politique par Rocher, traduits par M. Wolowski. Paris 1857, vol I. p. 157—159.

три четверти копны обмолоченного хлеба, а надобно заметить, что машина приводилась в движение лошадьми, работу которых мы уже не кладем в счет. Но в том же хозяйстве просто цепом мужик обмолачивает более копны хлеба, и стало быть выходит, что при помощи машины работа производилась гораздо медленнее, нежели без помощи машины. Не много нужно думать о таких цифрах, чтоб прийти к следующему заключению: три четверти рабочих сил барщины тратились в этом хозяйстве совершенно понапрасну, не принося владельцу ровно никакого дохода, а часто обращаясь ему в прямой убыток, который приходилось покрывать ему вычетом из доходов, доставлявшихся ему остальной четвертою частью барщины. Таких фактов в «Описании Киевской губернии» сотни и тысячи. Но, может быть, в том хозяйстве, распределение барщины которого мы видели, и в других подобных ему хозяйствах экономия была плохо устроена? Вовсе нет, это хозяйство было еще из самых лучших. Сводя цифры о всех помещичьих имениях Киевской губернии, Журавский приходит к следующим выводам: соображая пространство господских полей с уроками, которые отрабатываются в один день, Журавский находит, что для полной обработки господских полей вместе с уборкой сенокосов требовалось бы в Киевской губернии 17 500 000 рабочих дней; между тем число всех дней, отбываемых барщиной в Киевской губернии, простирается до 65 000 000; таким образом, три четверти барщины растрачиваются так себе, то туда, то сюда; не считая даже вовсе зимних дней, все-таки выходит, что и из летних дней половина растрачивается самым непроизводительным образом*.

Теперь читатель не будет удивляться следующему расчислению, основные цифры которого мы также заимствуем у Журавского. Журавский определяет наемную цену, какую имеет в разных местностях Киевской губернии летом и зимой день работы пешего мужика, мужика с лошадью и женщины; по этим вычислениям он перелагает на деньги всю ценность 65 миллионов дней барщины, и оказывается, что вся ценность работ, исправляемых барщиной, доходит до 7 232 350 рублей серебром. Каковы же теперь все доходы помещиков Киевской губернии? Каждый производительный труд дает в продукте избыток против того, во сколько обошлось производство. Например, фабрикант употребляет 100 000 рублей на жалованье рабочим, на покупку материалов, на ремонт фабрики, на уплату процентов с основного капитала и проч.; а продуктов своей фабрики продает он на 120 000 тысяч** и более. Если бы обязательный труд был производителен, очевидно, что помещики Киевской губернии получали бы гораздо более той суммы, какой стоит барщина. Сколько

* Статистическое описание Киевской губернии. Часть II, стр. 220 и след. и 372 и след.

** Явная ошибка; надо: рублей. — Ред.

именно получали бы они, трудно сказать, но легко определить наименьшую величину, ниже которой никак не могли бы спуститься их доходы. Барщина заменяет только наемную плату работникам. Наемная плата работникам в земледелии никак не может составлять более половины всего оборотного капитала, а по-настоящему надобно полагать ее гораздо меньше*. Но если положить этот расход равняющимся целой половине издержек производства, мы все-таки получим сумму в 14 500 000 рублей серебром, — это издержки производства; но производство должно же давать какой-нибудь чистый доход; положим его хотя только в 10 %, и мы получим 1 450 000 рублей серебром. Таким образом, составляется сумма в 16 000 000 рублей серебром, и мы видим, что доходы помещиков Киевской губернии должны были бы простирались по крайней мере до этой суммы даже тогда, когда бы расход на работников можно было считать вполностью издержек производства. Если же считать его только в третью часть издержек, что гораздо ближе к истине, то надобно ожидать дохода в 24 000 000 рублей серебром. Но вспомним, что работники трудятся не по найму, а обязательно, и мы уже можем ожидать, что доходы помещиков далеко не достигают этой цифры 16 000 000 рублей серебром, которая при наемном труде была бы слишком низка. Как же велики они в действительности? Быть может 12, быть может 10 миллионов? Нет, по вычислению Журавского, все доходы помещиков Киевской губернии не простираются выше 7 123 380 рублей серебром, то есть они даже меньше той суммы, которой стоит одна рабочая сила барщины.

Чтобы понять всю экономическую несообразность такого порядка дел, представим себе например, что существовала бы хлопчатобумажная фабрика, которая на одно жалование рабочим расходовала бы 10 000 рублей серебром, а доходов от продажи своих продуктов получала бы 9 500 рублей серебром; вспомним, что фабрикант должен считать проценты с основного капитала, представляемого зданием фабрики и машинами, должен ежегодно покупать более чем на 10 000 рублей серебром хлопка, — и мы поймем, что его фабрика представляет изумительно неразумное явление, что ее существование противно всякому экономическому расчёту, что, кроме разорения всех участвующих в делах этой

---

* При урожае сам-5 одна ценность посева составляет уже 20 процентов оборотного капитала. Ренту земли, конечно, слишком низко будет оценить в одну четверть валового дохода, который должен быть больше издержек производства, и потому в издержках производства рента составляет более значительную часть, нежели в нем. Но положим, что она будет составлять только одну четверть издержек производства. Вот цена посева и рента составляют уже 45 % издержек производства. Прибавим расход на управление, и мы получим уже гораздо более 50 %, и на жалование работникам останется менее 50 %. Совершенно близко к истине было бы сказать, что это жалование составляет в земледелии от одной четвертой до третьей части издержек производства.

фабрики, ничего нельзя ждать от нее. Каждый здравомыслящий человек из любви к самому фабриканту должен посоветовать ему изменить странный порядок дел, существующий на его фабрике.

Точно таково положение помещиков. Одной рабочей силы употребляется ими, например, в Киевской губернии на 7 230 000 рублей серебром, а всего дохода получается только 7 130 000 рублей серебром*.

Но мы еще далеки от истины, полагая, что весь доход помещиков Киевской губернии происходит от обязательного труда. Если бы вся сумма 7 123 000 рублей серебром возникала из работы, стоящей 7 232 000, это было бы уже чрезвычайно неразумно; что же надобно будет сказать, когда сообразим, что около половины помещичьих доходов в Киевской губернии должны считаться не плодом барщины**, а доходами с различных капиталов, кроме поземельного капитала? Потому доход, доставляемый барщиной, следует считать не более как в 4 000 000 рублей серебром, и в результате окажется, что все продукты, доставляемые барщиной, едва равняются 60% стоимости самой барщины, и параллель с фабрикой, представленная нами выше, изменится таким образом:

Есть фабрикант, который кроме того, что употребляет ежегодно более 10 000 рублей на покупку сырых материалов и ремонт, одной рабочей силы расходует на 10 000 рублей, а всех продуктов своей фабрики продает только на 6 000 рублей, — спрашивается, разумно ли идет его фабрика?

Но чем поправить ему свои дела? Очевидно, откуда весь недостаток: работа на его фабрике плоха, и ему должно изменить порядок этой работы, если он не хочет с каждым годом разоряться все больше и больше. Иначе ему никак не избежать банкротства.

Этот вывод неоспоримо следует из фактов, подробно излагаемых Журавским. Люди, не знающие сельского хозяйства в Киевской губернии, могут, пожалуй, подумать, что в других губерниях дела могут идти лучше, что порядок помещичьего хозяйства

* Описание Киевской губернии. Часть II, стр. 230 и 378.

** Пропинация⁶ и лесная продажа дают 1 250 000 рублей серебром, тонкорунное овцеводство, фабричная промышленность и винокурение дают более 1 300 000 рублей серебром, из них по крайней мере половину, то есть 650 000, надобно считать доходом основного и оборотного капитала; из дохода, доставляемого хлебопашеством и свекловицей (3 800 000), по крайней мере одну пятую часть надобно считать следствием работы реманентного скота, господских машин и т. п.; это дает около 750 000; вот у нас уже насчитано 2 650 000 рублей серебром общего дохода, возникающего не от барщинной работы. Прибавив к этой цифре различные мелкие отрасли доходов, исчислять которые было бы здесь слишком длинно и которые легко отыщет внимательный читатель в исследованиях Журавского, мы получим тот вывод, что из 7 123 000 рублей серебром общего дохода по крайней мере 3 000 000, а вероятно, более даются помещикам Киевской губернии не обязательным трудом. В статье об описании Киевской губернии («Современник», 1856, № 9) этот вычет дает меньшую цифру, но там он очень не полон.

в Киевской губернии хуже, нежели в великорусских. Напротив, в ней он гораздо лучше. Отчетность по хозяйству ведется с такой точностью, какая совершенно неизвестна великорусским помещикам; экономии в употреблении рабочих сил несравненно больше, небрежной растраты их гораздо меньше в Киевской губернии, нежели в Великой России, и вывод, представляемый исследованием Журавского для Киевской губернии, еще с гораздо большей силой прилагается к Великой России, которую мы имеем преимущественно в виду в этой статье.

Разорение для самих помещиков — вот очевиднейшее следствие обязательного труда. Отчеты кредитных учреждений о количестве заложенных имений и публикации о продаже этих имений за неуплату долга, к сожалению, слишком громко свидетельствуют о том, как подтверждается эта научная истина фактами нашей жизни. Недавно ученый, которого мы не хотим называть по имени, вздумал было доказывать, что поместья наши не так обременены долгами, как все мы знаем, — сдинодушная горькая улыбка всех читателей была ответом на такую розовую шутку. Помещик, имение которого не заложено, представляется у нас довольно редким исключением. Точные сведения о количестве всех долгов, лежащих у нас на дворянских имениях, не собраны, но достоверно то, что с каждым годом тяжесть этих долгов возрастала и что в настоящее время из всех имений в Европе наиболее обременены долгами русские поместья. Тут можно говорить о расточительной жизни, о пренебрежении к собственным делам; но, во-первых, все эти и т. п. второстепенные причины недостаточны для накопления долгов, столь всеобщих и столь громадных; во-вторых, и расточительность, и пренебрежение к делам возникают главным образом из того основного зла, которому ныне полагается предел. Может ли экономически вести свои расходы тот, доходы которого получают способом, противным экономическому расчету? Может ли с усердием заниматься своими делами тот, кому представляется, что источник его доходов, обязательный труд, остается неиссякаем и без всякой заботы с его стороны?

Потому нам кажется, что обязательный труд разорителен не только для крестьян, но и для самих помещиков; потому-то и не можем согласиться мы с словами Тенгоборского, что обязательный труд хотя всегда невыгоден для государственного хозяйства, но бывает иногда выгоден для помещика. Нет, он всегда невыгоден и для него. Ниже мы подробно рассмотрим основание, на котором опирается мнение Тенгоборского, мнение, что издержки землевладельца на наемную плату, после уничтожения крепостного права, не вознаграждаются продажей продуктов; теперь заметим только, что тогда и увеличится количество и возвысится цена хлеба, получаемого помещиком с своих полей, и перейдем к следующим мыслям Тенгоборского.

Он сам чувствует, что нельзя сомневаться в невыгодности обязательного труда, и потому старается доказать, что масса полей, возделываемых этим трудом, не так велика, чтобы могла иметь преобладающее влияние на дурное состояние нашего сельского хозяйства.

С этой целью прежде всего рассчитывает он, каково отношение крепостных крестьян к числу всего сельского населения. Против этого счета заметим, что напрасно вносит он в число крестьян, не подлежащих крепостной работе, 816 000 крестьян разных наименований, означенных в таблице Кеппена ⁷ нумерами 5 и 6. Исправив эту ошибку, мы увидим, что количество крестьян, подлежащих обязательному труду, почти на 2 000 000 душ мужского пола больше числа свободных крестьян. Но если даже принять и его расчет, по которому та и другая цифра почти равны, все-таки надобно сказать, что работа целой половины крестьян, подлежащая крепостному праву, представляет уже массу труда, с избытком достаточную для подчинения всего народного хозяйства, какой принадлежит обязательному труду.

В тех южных штатах Северо-Американского Союза, где существует невольничество, весь характер и общественного быта и национального хозяйства определяется трудом негров; а между тем число невольников в этих штатах далеко не достигает цифры белого населения в тех же штатах. Мы возьмем только те штаты, в которых всего более невольников, именно: Виргинию, Северную и Южную Каролины, Георгию, Флориду, Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Техас, Арканзас, Тенесси, Кентукки и Миссури. В этих тринадцати штатах число невольников простирается до 3 075 000, а число белого населения более нежели до 5 400 000. Мы видим, что даже в этих штатах, имеющих исключительно невольнический характер в своем производстве, число свободных почти вдвое превышает цифру невольников; и, однакоже, этой одной третьей части населения, подлежащей принужденному труду, уже достаточно для уничтожения в народном быте и труде всякого элемента, имеющего характер свободного труда *. Если примесь третьей части обязательного труда к двум третям свободного оказывает такое громадное влияние, что же сказать о том, когда целая половина работников подлежит обязательному труду?

---

* Если бы мы, следуя примеру всех статистиков, причислили к этим штатам Мериленд, Делавар и т. д., то оказалось бы, что в невольнических штатах число негров едва превышает четвертую часть всего населения, и мы могли бы сказать совершенно справедливо, что для сообщения всему быту и производству страны того характера, какой свойственен обязательному труду, достаточно уже и того, когда хотя четвертая часть работников подлежит обязательному труду. Но мы, предупреждая даже излишние притязания противников, ввели в счет только те штаты, в которых цифры наименее благоприятны нашим выводам: даже и эти цифры уже с избытком подтверждают наш вывод.

Но Тенгоборский не останавливается на том, что неправильным счетом уравнивает число крепостных крестьян с числом свободных, хотя ему самому известно, что первое больше. Он идет далее и решается утверждать, что так как «во многих поместьях барщина заменена оброком, то надобно принять, что две трети возделываемых земель обрабатываются крестьянами, не отправляющими обязательного труда». Эта смелость очень замечательна; во-первых, Тенгоборский не приводит точных сведений о числе крестьян, состоящих на оброке, и, пользуясь этим, он отважно предполагает число их гораздо больше, нежели каково оно должно быть в действительности: он считает их, как видим, до 4 000 000 *; но едва ли можно считать их и 2 000 000; во-вторых, если бы даже число оброчных доходило до 4 000 000, из этого еще не следовало бы, что две трети земли населены крестьянами, не отправляющими барщины: на оброк отпускаются крестьяне преимущественно в поместьях малоземельных, а у государственных крестьян земли вдвое и втрое меньше, нежели у помещиков по числу душ; стало быть, если бы даже только одна треть крестьян состояла на барщине, а другие две трети состояли бы из свободных и оброчных крестьян, то и тогда большая половина возделываемой земли все-таки оставалась бы под поместьями, отправляющими барщину; в-третьих, оброк у нас довольно мало отличается от барщины по своему влиянию на характер хозяйства: возвышаясь соразмерно возвышению доходов крестьянина, он точно так же, как и барщина противодействует энергии труда, потому что стремится постоянно поглощать все избытки, ими производимые. Дело иное, если бы наш оброк не возвышался произвольно.

Такая цепь противоречий фактам и фальшивых гипотез нужна была Тенгоборскому, чтобы притти к желанному заключению, будто бы «обязательный труд не имеет на наше сельское хозяйство столь преобладающего влияния, какое обыкновенно ему приписывается». Для такого вывода нужно было слишком отважным образом исказить смысл мнения о невыгодности обязательного труда, поворотив речь с работы, отправляемой барщиной, к которой речь прямым образом относится, на работу крестьян на своих полях; нужно было представить неверный счет числа крепостных крестьян; нужно было забыть и о характере нашего оброка, и о малоземельности оброчных имений. И однакоже — при всех этих смелых отступлениях от истины — он мог дойти только до такого результата, который совершенно уж достаточен для разрушения его мнения. Да, если бы у нас только третья часть сельских работников отправляла барщину, уже и тогда все наше сельское хозяйство находилось бы под исключительным, под

* Эта цифра необходима, чтобы состоящих на барщине осталась одна треть из всего числа поселян.

совершенно преобладающим влиянием крепостной работы. Пример южных штатов Северо-Американского Союза уже говорит, что свободная работа двух третей населения совершенно искажается влиянием принудительной работы одной трети населения. Но, по словам самого Тенгоборского, число крепостных крестьян равняется числу свободных; в действительности же превосходит их.

Но, продолжает Тенгоборский, как ни вредна система обязательного труда, она в настоящее время для значительной части России необходима. Почему же? Причин на это приводится три:

1) «Капиталов у нас недостаточно для рационального хозяйства с наемным трудом при безмерной обширности возделываемых земель». Тут сколько слов, столько и ошибок. О том, до какой степени безмерна обширность наших земель, мы будем говорить после; пока здесь заметим прежде всего хитрое слово «рациональный»; оно намекает на плодопеременную систему с искусственным луговодством, дренажем и т. п. Для такой системы, конечно, нужны большие капиталы, но сам Тенгоборский говорит, что она еще не нужна и неуместна для нас; а если бы и была уместна, то наемная плата самый незначительный расход в сравнении с расходами на луговодство, скотоводство, машины и прочее при такой системе, и обязательный труд может только помешать ее распространению, потому что при нем невозможна ни строгая экономия в жизни самого хозяина, ни старательный и искусный труд работников. Но Тенгоборский хитрит: он только сбивает читателя намеком на плодопеременную систему в слове «рациональный», а сам и не думает о ней, подробно доказав перед тем, что для нас еще надолго выгоднее всех других систем трехпольное хозяйство. При трехпольном хозяйстве капиталов не очень много нужно. Но если бы у нас было мало капиталов даже и для этой системы, тем сильнее доказывалась бы необходимость отменить обязательный труд, потому что он составляет сильнейшее препятствие образованию и возрастанию капиталов. При нем работа непроизводительна, при нем нет ни расчетливости, ни предпримчивости. Жалоба на недостатки в капиталах есть требование отмены обязательного труда.

2) «Во многих местах ценность сельскохозяйственных продуктов не давала бы ренты, достаточной для покрытия издержек производства». Не мешает заметить тут оригинальное употребление слова «рента» вместо доход: Тенгоборский забыл, что рентою называется только та часть дохода, которая вовсе не служит к покрытию издержек производства, а составляет наемную плату, получаемую землевладельцем с арендатора; его фраза подобна следующей: дивиденд акционерной фабрики недостаточен на покрытие издержек ее. Такие фразы свидетельствуют о сбивчивости понятий, которая одна, впрочем, и может давать человеку решимость выступать защитником обязательного труда. Тенгоборский

не умеет сказать того, что хотел сказать, именно, что ценностью продуктов не будут покрываться издержки производства.

Предположим сначала, что это возражение совершенно справедливо; в таком случае, что из него следует по теории, принимаемой всеми без исключения экономистами? Нас часто упрекали за то, что мы предпочитаем основательные суждения новой школы ошибочным мнениям старой. Но из нашего противоречия ошибкам старой школы вовсе не следует, чтобы мы не находили в сочинениях Сэ или Росси ни одной страницы справедливой; есть случаи, в которых все школы согласны; к ним принадлежит и тот, о котором мы должны теперь вести речь. Надеемся, что Сэ не нашел бы в следующих строках ни одного слова, с которым бы не согласился вполне.

Если ценность продуктов не покрывает издержек производства, это значит, что производство убыточно; национальный интерес и собственная выгода хозяина требуют, чтобы такое производство было оставлено.

Если продукты моей фабрики не покрывают моих расходов на фабрику, я должен или закрыть, или продать ее. Я не имею права требовать, чтобы государство разорялось для моей фабрики, чтобы, например, оно поставляло мне задаром или материал, мною обрабатываемый, или машины, нужные мне для обработки, или лошадей, приводящих в движение эти машины, или работников, управляющих этими лошадьми и машинами.

Положим, что я занимаюсь выделкой шляп. Если продажа не окупает мне моих издержек, это происходит от одной из двух причин: 1) или моя фабрика устроена дурно, и в таком случае я должен стараться улучшить ее, а если не умею улучшить, то нечего мне и тянуться быть шляпным фабрикантом, и пусть я разорюсь, государство тут ничего не проиграет; напротив, оно выиграет, когда одним дурным фабрикантом будет меньше; или 2) я работаю шляпы не хуже и не дороже других — в таком случае, значит, все шляпные фабриканты терпят убыток подобно мне; отчего же это? Оттого, что шляпных фабрик развелось слишком много, и шляпы слишком низко упали в цене; запрос несообразен предложению. Чем помочь этому? Все экономисты согласны в том, что из этого затруднительного положения нельзя вывести нас, шляпных фабрикантов, никакими пособиями, нарушающими справедливость. Если бы, например, государство стало нам давать задаром материалы для выделки шляп, мы попрежнему стали бы делать шляп больше, нежели требуется; чтобы сбывать этот излишний товар, мы стали бы друг перед другом сбивать цену и сбили бы опять-таки до того, что продажей шляп не покрывались бы наши расходы на их выделку. То же самое было бы, если бы мы получили от государства работников, которые делали бы шляпы на наших фабриках по системе обязательного труда, то есть или стоили бы нам дешевле наемных, или вовсе ничего

не стоили, — мы продолжали бы выделывать шляп больше, нежели требуется, и цена их все-таки упала бы до того, что не покрывала бы наших издержек.

Таковыми разорительными для государства пособиями не прекратилось бы наше затруднение. Корень его — излишество выделки шляп по сравнению с требованием на них, и потому лекарство тут одно — сократить выделку. Чем больше будем мы разорять государство пособиями на нашу излишнюю выделку, тем больше будем только сами запутывать свои дела; и лучшее для нас, что может сделать государство, — не давать нам этих разорительных для него и вредных для нас пособий или прекратить их выдачу, если уж по какой-нибудь ошибке они выдавались нам. Так, предоставленные собственным силам, мы должны будем взяться за ум и скоро увидим, как пособить затруднению.

Пособить ему очень просто: выделка шляп невыгодна, итак, надобно отказаться от нее и заняться чем-нибудь более выгодным.

Между нами, шляпными фабрикантами, найдутся люди дельные и предприимчивые, поймут это и, закрыв свои шляпные фабрики, займутся, например, выделкой мыла или сукна. Тогда дела остальных шляпных фабрикантов поправятся: шляп выделяется меньше прежнего, именно столько, сколько нужно, и цена их поднимется настолько, чтобы быть выгодной без всякого обязательного труда и других разорительных для государства привилегий и вспоможений.

Каждый экономист скажет, что таково единственно справедливое и единственно возможное решение дела о шляпных фабрикантах.

Точно таково же было бы дело землевладельцев, производящих хлеб обязательным трудом, если бы верны были слова Тенгоборского, что при отмене обязательного труда не окупались бы издержки их на наемную плату. Это значило бы только, что хлеба на продажу предлагают они больше, нежели требуется, и что они слишком низко сбили его цену.

Ни в одной из тех отраслей промышленности, которые предоставлены собственным силам, невозможен случай, предположенный нами, — именно, что издержки производства при наемной плате не покрываются продажей продуктов. Если же наше земледелие находится в таком ненормальном состоянии, то очевидно, что оно введено в это положение обязательным трудом и что единственное средство поднять цену хлеба до нормальной высоты, то есть до того, чтобы ею окупались издержки производства, состоит в отмене обязательного труда. Он губит наше земледелие, роняя цену на хлеб.

Неоспорим действительно тот факт, всеми признаваемый, что цены на хлеб у нас сбиваются обязательным трудом ниже того, каковы были бы без этой язвы земледелия. Но даже и при этих ценах возделывание хлеба по системе наемного труда не только

возможно, даже выгодно. Это известно каждому, знающему русский быт: есть много купцов, разночинцев, поселян, которые возделывают большие пространства земли наемным трудом и получают от этого выгоды. Эти очень многочисленные факты доказывают совершенную неосновательность мысли, будто помещикам не будет выгодно обрабатывать свои поля наемным трудом. Даже и теперь это делается, как мы сказали, купцами и людьми других званий, не имеющими в своем распоряжении крепостных работников. Тем выгоднее будет это при уничтожении крепостного права, когда цена хлеба должна возвыситься.

Дело не в том, что наемный труд не окупается, — это неправда; дело в том, что хозяйство с наемным трудом есть коммерческое предприятие, требующее расчетливости, сообразительности, требующее разумной заботы со стороны хозяина. Вот от этих-то условий отвращаются партизаны крепостного права, которое дает им даровой труд и доставляет возможность вести дело небрежно, нерасчетливо.

Если партизаны крепостного права откровенно скажут: при отмене обязательного труда не будет в состоянии с выгодой возделывать своих полей тот, кто не может вести своего хозяйства экономическим, расчетливым образом, кто умеет только прожигать достоящееся ему даром и не может сделаться человеком дельным, — если они откровенно скажут это, мы вполне согласимся с такими словами, в которых и заключается вся сущность вопроса.

Из трех доводов, представляемых Тенгоборским в подтверждение «необходимости» крепостного права для России, мы рассмотрели два первые, и оказалось, что они говорят вовсе не в пользу крепостного права, а свидетельствуют о его вреде; если у нас мало капиталистов, виной тому крепостное право, мешающее развитию свободного труда, который один производителен, один увеличивает богатство нации; если цены на хлеб слишком низки, виной тому опять-таки обязательный труд, разрушающий соразмерность производства с потреблением и уничтожающий в хозяине расчетливость. Из того и другого одинаково следует «необходимость» не поддерживать, а как можно скорее отменить обязательный труд. Остается третий довод в пользу крепостного права, — довод, основанный на странном смешении понятий.

3) «В тех местах, где торговля и промышленность слаба, где мало денег в обороте, там мужику удобнее отправлять повинности натурой, нежели выплачивать за наем земли деньгами», — говорит Тенгоборский.

Оборот очень смелый. Да разве вопрос о крепостном праве и наемном труде есть вопрос о том, как должны производиться уплаты по обязательствам: натурой или деньгами? Ведь сам же Тенгоборский говорит, что в обязательном труде, кроме отправления повинности натурой (барщина), бывает и уплата за них деньгами (оброк); и при вольнонаемном труде уплата иногда

производится деньгами, а иногда натурой, например, при системе половничества, при нашем обычае нанимать людей на известную земледельческую работу из третьего, из четвертого снопа; даже на многих фабриках жалованье вольнонаемным рабочим выдается натурой, произведениями фабрики, а не деньгами. Дело должно идти о том, нужно ли сохранить обязательный труд, а Тенгоборский повертывает вопрос на то, во всех ли местностях можно заменить барщину оброком. Оборот очень смелый, но оскорбительный для читателя, которого автор предполагает слишком тупоумным простяком, воображая, что его можно провести таким грубым обманом.

Вы говорите, что в малоденежных местах при обязательном труде уплата работника хозяину удобнее производится натурой, нежели деньгами, — что ж из того? В этих местностях при вольнонаемном труде уплата от хозяина работнику может также производиться натурой, а не деньгами.

Но тут опять мы должны возвратиться к вопросу: отчего же в этих местностях мало денег в обороте, отчего слаба торговля и промышленность? Все от той же коренной причины нашей бедности, — от обязательного труда, разорительного для нации.

Но всех прежних доводов еще мало Тенгоборскому, он все-таки чувствует, что не защитил крепостного права своими рассуждениями, и пробует опереться на факты. Он говорит, что поселяне в России живут довольно зажиточно, и полагает доказать этим, что вредное влияние крепостного права не так велико, как все думают. О степени благосостояния крепостных крестьян мы не считаем нужным и говорить, — какова она, знает каждый; а если бы вздумали мы здесь излагать то, что известно каждому, это заняло бы слишком, слишком много места. Если же в некоторых странах Западной Европы поселяне живут не лучше, нежели в России, хотя в этих странах и нет крепостного права, из этого еще ровно ничего не следует в пользу крепостного права. Иван худ и слаб оттого, что изнурен золотухой, говорите вы, — нет, золотуха — болезнь не изнурительная, возражаю я, и указываю вам на больного лихорадкой Петра, с торжеством прибавляя: «Вот Петр не страдает золотухой, а не лучше Ивана, стало быть в золотухе нет ничего особенно дурного, и у Ивана здоровье не страдает от нее». У нас одни причины бедности, в Западной Европе — другие; и нам нужно заботиться о том, чтобы, уничтожая свои недостатки, не попасть в те ошибки, которые ведут к другим бедствиям. В чем источник страданий поселян Западной Европы, мы будем еще иметь случай говорить, развивая наши мысли о том, как нам предохраниться от подобных бедствий. В Западной Европе беден тот земледелец, который не обрабатывает землю на себя; у нас каждый, даже крепостной земледелец, имеет свой участок, — этим до некоторой степени вознаграждаются все другие наши недостатки, и основным принципом своих

желаний по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались без земли. Этот принцип, слава богу, поставлен теперь вне опасности высочайшими рескриптами, определяющими освобождение крестьян с усадьбой и разделение господских полей от крестьянских. Об этом мы еще будем говорить впоследствии.

Но чувствуя, что с этой стороны, со стороны последствий обязательного труда для благосостояния крестьян, крепостное право не может быть защищено, Тенгоборский опять возвращается к мысли о необходимости его для обработки господских полей; чувствуя, что умозаключения его на эту тему мало убедительны, он думает найти лучшую опору в авторитете и приводит отрывок из Гакстгаузена. В статье о книге Гакстгаузена («Современник», 1857, № VII) * приведена была часть этого отрывка с предшествующим ему расчетом, на котором основывается заключение, цитируемое Тенгоборским. Тогда же замечено было в этой статье, что расчет Гакстгаузена о невыгодности наемного хозяйства в России построен на фальшивом сближении и опровергается фактами, приводимыми у самого Гакстгаузена; замечено было также, что если б даже принять этот фальшивый расчет, из него следовало бы вовсе не то заключение, какое делает Гакстгаузен. Теперь мы можем точнее развить эти мысли.

Прежде всего повторим, что уже было сказано в настоящей статье: если бы расчет и вывод из него у Гакстгаузена был совершенно справедлив, если бы действительно возделывание некоторых полей в России было возможно только при обязательном труде, — что следовало бы из того? Следовало бы только, что некоторые поля не окупают работы, на них употребляемой, и что чем скорее прекратится их обработка, невыгодная для государства, тем лучше будет для государства. Если бы я, пользуясь какими-нибудь привилегиями, данными мне от государства, вздумал разводить лес в Вологодской или Вятской губерниях, в которых и без того слишком много леса, без сомнения, мне удалось бы кое-как развести несколько десятин леса на моих плантациях. Но само собой разумеется, продажа этого леса далеко не покрывала бы моих расходов, и плантации мои поддерживались бы только тем, что государство каждый год жертвовало бы мне пособие, — что следовало бы из такого положения дел? Только то, что я разоряю государство для поддержки моего нерасчетливого производства, следовало бы, что здравый смысл должен говорить государству о необходимости прекратить помощь, которую я растрачиваю нерасчетливым образом, а мне должна говорить совесть, чтобы я прекратил свое нерасчетливое производство и обратился к какому-нибудь другому занятию, которое было бы не разорительно, а выгодно для государства.

---

* См. т. III наст. изд. — *Ред.*

Основным принципом всех соображений о государственном и частном хозяйстве должна быть аксиома, несомненная как $2 \times 2 = 4$ для каждого экономиста: производство, не покрывающее при наемном труде своих издержек продажей продуктов, разорительно для государства, и чем скорее оно прекратится, тем лучше для государственного благоденствия.

Кто не принимает этой аксиомы, тот обнаруживает совершенную неприготовленность свою к рассуждению о каких бы то ни было экономических делах, государственных ли или частных, своих ли собственных или чужих.

Таков был бы ответ на расчет и вывод Гакстгаузена о невыгодности обработки некоторых полей в России наемным трудом, таков, говорим мы, был бы ответ, если бы расчет был верен и вывод логичен. Но расчет Гакстгаузена фальшив, и вывод из него ошибочен.

Прежде всего припомним точный смысл слов Гакстгаузена. Он говорит, что если бы ему давали даром землю в Ярославской губернии с условием возделывать ее наемным трудом в таком же роде, как возделывается земля в юго-западной Германии, такое хозяйство было бы убыточно, и он отказался бы от подарка.

Справедливо. Но в чем тут сущность дела? По выводу Гакстгаузена кажется, будто невыгода произойдет от условия возделывать землю наемным трудом. Так ли? Не от другого ли какого условия? Гакстгаузен говорит, что вести хозяйство он думал бы так, как в юго-западной Германии; не довольно ли одного этого обстоятельства для объяснения невыгоды?

В Николаевском уезде Самарской губернии земля не удобряется, в Рязанской удобряется. Если бы мне даром давали землю в Самарской губернии с условием удобрять ее по-рязански, это условие было бы разорительно, все равно, обязательным или наемным трудом стал бы я ее обрабатывать. Чернозем не терпит рязанского удобрения, и урожаи были бы плохи, да и ценой хлеба в Самаре не окупаются издержки на удобрение. Наоборот, если бы я должен был рязанскую землю возделывать по-самарски, без удобрения, я разорился бы, все равно и при обязательном и при наемном труде; урожай без удобрения в Рязани не возвращал бы даже семян.

Что из этого следует? Просто то, что в каждой области порядок хозяйства должен быть сообразен с климатом, почвой и т. п. Дело идет о том, в чем должны состоять работы, а вовсе не о том, обязательным или наемным трудом они совершаются.

В юго-западной Германии земледелец круглый год может быть занят полевыми работами, сообразно тому он и не занимается ничем другим. Если бы у нас при нашей длинной зиме земледелец проводил в бездействии все то время, когда нет полевых работ, это было бы убыточно — вот и все. Потому у нас поселянин зимою и занимается какими-нибудь промыслами, пре-

имущественно извозом. Гакстгаузен не принимает этого в расчет; оттого и выходит у него недочет в хозяйстве. Если бы он считал, что наемный работник, точно так же, как крепостной крестьянин, и точно так же, как самостоятельный хозяин поселанин, половину года занят промыслами, результат был бы иной.

Пусть хозяин нанимает работника для полевых работ только на полгода или, если нанимает его на целый год, употребляет наемщика зимой на какой-нибудь промысел, — вот прямое известное у нас каждому по опыту следствие продолжительности нашей зимы. Упускать это из виду — значит искажать сущность вопроса.

Не менее дурное искажение состоит и в том, что, взяв обстоятельства, существующие в Ярославской губернии, которая одна из самых невыгодных у нас для земледелия и в которой потому почти все население имеет главным источником дохода не земледелие, а промыслы, Гакстгаузен, а еще более Тенгоборский делают по этой губернии заключение обо всей России. Это похоже на то, как если бы из невыгодности хлебопашества на западном берегу Ирландии делать заключение о невыгодности его во всей Западной Европе. Добросовестна ли такая уловка?

Если бы расчет Гакстгаузена и не был фальшив, он применялся бы только к Ярославской губернии и очень немногим другим местностям, которые известны под именем промышленных. Добросовестно ли брать за образец Ярославскую губернию, когда дело идет о выгодах земледелия в России? Это все равно, что брать за образец Бранденбург, когда дело идет о виноградниках Западной Европы. И в Бранденбурге есть виноградники, и там выделывают вино, но этот промысел невыгоден и бранденбургское вино очень дурно, — следует ли из того, что во всех странах Западной Европы виноградники дают мало дохода и приносят вино дурного качества?

В Ярославской губернии земледелие менее выгодно, нежели в других русских областях, — итак, во всей России земледелие может существовать только при обязательном труде; русское хозяйство устранивается так, что только половину года занято земледелием, а другую половину года другими промыслами, — итак, обязательный труд выгоднее наемного. Какие изумительные заключения! «Я плохо играю на скрипке, потому мой брат хорошо играет на гитаре» — превосходный силлогизм!

Гакстгаузена и Тенгоборского занимает вопрос, возможно ли земледелие с наемным трудом в тех местах, где земледелец может заниматься возделыванием своих полей с выгодой для себя, — этот вопрос представляется уже совершенной нелепостью, если вникнуть в сущность понятий, которых он касается.

Если земледелец, возделывающий на себя свой участок, находит выгоду обрабатывать его, это значит, что ценность производства с избытком покрывается ценностью продуктов.

Наемная плата составляет только часть расходов производства.

Каким же образом наемная плата не будет покрываться ценностью продуктов, доставляемых трудом наемщика?

Из этого видно, что повсюду, где возможно существование земледельца, возделывающего на себя свой участок, наемный труд и подавно будет окупаться ценностью продуктов.

Боже мой! Не во сне ли привиделось нам, будто ученые агрономы усомнились в возможности возделывать землю в России наемным трудом? Наяву едва ли могла притти кому-нибудь в голову такая химера. Разве не известно каждому, не только агроному, но и простому человеку, что увеличение числа работников в русской земледельческой семье считается благодатью божией, что чем больше работников в семье, тем она зажиточнее? Разве не значит это, что содержание работника с избытком и большим избытком окупается его работой? Разве не известно, что каждый домохозяин, если только имеет достаточное количество земли, считает выгодным для себя принять работника? Что же это значит, скажите ради бога, если не значит, что наемный труд в русском земледелии выгоден?

Укажите местность, в которой земледельческая семья, например, из восьми человек с тремя работниками считалась бы беднее такой же семьи с двумя работниками, — только в такой местности труд не окупается, стало быть невозможен труд, но такой местности в России вы не найдете.

Боже мой, и люди, называющие себя агрономами-экономистами, отваживаются при таких очевидных фактах говорить об убыточности наемного труда! Неужели они не могут сообразить, что наемный труд только тогда убыточен, когда работа не окупает себя? Неужели же они воображают, что доходы, доставляемые работой мужика-земледельца, возделывающего свой участок, обращаются в убыток этому мужику? «Наемный труд в русском земледелии не окупается» — ведь это значит, что Россия не может заниматься земледелием, что земледелие для России — убыточное занятие.

Можно ли отваживаться высказывать такие нелепости? Ведь это — посрамление не говорим уже для науки, это — посрамление для смысла человеческого.

Не будем же рассуждать о том, окупаются ли в России издержки наемного земледельческого труда; сомневаться в этом — значит сомневаться в том, выгодное или убыточное дело хлебопашество в России, может ли русский поселянин-земледелец иметь выгоду запашки от своего участка, — если он имеет выгоду, то будет иметь выгоду от своего поля и тот, кто наймет работника для его возделывания.

Тенгоборский и Гакстгаузен в своей ревности за крепостное право зашли слишком далеко, поставили вопрос так, что сомнение

в его положительном решении представляется очевидной нелепостью. Но это они увлеклись издешней ревностью, — в сущности, им следовало бы говорить не о том, возможно ли вести земледелие наемным трудом, — это не подлежит спору, — а только о том, каким образом выгоднее для помещика вести земледелие, наемным или обязательным трудом. Наемный труд не убыточен; но, быть может, обязательный труд в настоящее время выгоднее для помещика?

На это положительным образом отвечает наука. Одно из обстоятельств, от которых зависит выгодность или невыгодность наемного труда для помещика сравнительно с обязательным, есть густота населения. Чем меньше населения в стране, тем выгоднее для земледельца обязательный труд; чем гуще население в стране, тем выгоднее для него наемный труд. Токер (Tucker)⁸ занимался исследованием об этом и нашел, что при населении в шестьдесят шесть человек на квадратную английскую милю наемный труд для земледельца становится уже выгоднее обязательного. Эта цифра слишком высока, как мы увидим ниже; и при населении менее, нежели шестидесяти шести душ на английскую квадратную милю, наемный труд уже выгоднее обязательного, — это мы докажем, но попробуем применить к России даже ту цифру, которую находим у Токера.

Чтобы применить эту цифру к России, надобно принять в соображение два обстоятельства: число городского населения и количество неудобных земель.

В тех странах, которые имел в виду Токер (Западная Европа и Северная Америка), городское население составляет не менее одной трети всего числа жителей. В России оно, считая столицы, едва составляет десять процентов, а в большей части губерний не составляет и девяти процентов.

В Западной Европе и Северной Америке количество неудобных для хлебопашества земель очень невелико: пять-шесть процентов всего пространства территории; в Европейской России неудобные земли занимают более одной третьей части всей территории.

Эти два обстоятельства надобно ввести в расчет, если применить к России цифру, показываемую Токером.

66 человек на английскую квадратную милю — это дает 1 400 на квадратную географическую милю. Из них в Западной Европе и Северной Америке на городское население приходится не менее $\frac{1}{3}$, стало быть, для сельского населения остается 966 человек. Итак, те губернии России, в которых число сельского населения превышает эту последнюю цифру, удовлетворяют условию, представляемому Токером.

Но неудобной землей, которая не занимает рук, нечего считать, когда речь идет об отношении числа рабочих рук к пространству возделываемой земли. Есть в России губернии, например Воро-

нежская, Тульская, Подольская, Нижегородская, Тамбовская, в которых пропорция неудобной земли невелика, всего 3%—8%: это пропорция вроде той, какую имел в виду Токер. Но в губерниях Оренбургской и Херсонской целая половина пространства — неудобная земля; в Екатеринославской, Ставропольской, Таврической губерниях неудобной земли даже больше, нежели удобной. Несправедливо было бы считать население на обширные пустыни, не могущие иметь населения и не могущие занимать работников. Потому 966 [душ] сельского населения мы должны считать на удобные земли с прибавкой 5% неудобных земель, как считал Токер, а излишнее затем пространство неудобных земель выбрасывать из счета: они не занимают рабочих рук.

Производя применение Токерова вывода к России с соблюдением двух этих условий, требуемых сущностью дела, мы увидим, что на всем почти пространстве России, имеющем крепостных крестьян, население уже достигло той плотности, при которой наемный труд становится для земледельца выгоднее обязательного. Из областей, имеющих сельского населения менее 966 душ на квадратную географическую милю удобной земли с прибавкой 10% неудобной, о всех почти мы положительно знаем, что малочисленность населения с избытком вознаграждается в них другими обстоятельствами, благоприятствующими развитию выгоды наемного труда, и о большей части этих областей мы имеем положительные факты, свидетельствующие неоспоримым образом, что наемный земледельческий труд в этих областях с успехом выдерживает соперничество обязательного.

Области Русской империи, не имеющие и в настоящее время обязательного труда или по самой плотности своего сельского населения достигшие такого положения, при котором наемный труд становится для земле[вла]дельца выгоднее обязательного, или по другим местным условиям достигшие такого же экономического положения, обнимают почти все пространство России, и население их простирается слишком до 63 000 000. Во всех этих областях обязательный труд для самого землевладельца менее выгоден, нежели наемный.

Затем остаются в двух местностях округа, незначительные по своему объему и населению в сравнении с пространством России. Пространство этих областей составляет около 6 000 географических миль, менее нежели одну пятнадцатую часть Европейской России, а население простирается не более как до 3 500 000 душ обоего пола, то есть не составляет и одной восемнадцатой части населения России. Об этих местностях нельзя с достоверностью решить по Токеру правилу, выгоднее ли в них наемный труд обязательного. Мы не имеем сведений о том, существуют ли в них, как в других многоземельных областях России, условия, которыми и при малонаселенности придается наемному труду выгода сравнительно с обязательным; потому мы не можем сказать

с достоверностью, что в этих областях замена обязательного труда наемным будет для землевладельцев выгодной, но еще менее оснований имеет кто-либо сказать, что она была бы невыгодна; об этом вопросе нет точных сведений, и нужно еще собрать их; но судя по примеру сходных с этими областями местностей, имеющих выгоду в наемном труде, надобно ожидать, что точнейшие сведения обнаружат выгодность наемного труда и для этих областей*.

* Вот цифры и факты, на которые ссылаемся мы в тексте. Заметим, что числа о населенности и о пропорции неудобных земель взяты нами из того же Тенгоборского, который говорит о невыгодности наемного труда, сам не воображая, что данными из его собственной книги опровергается это мнение.

1) Царство Польское, Финляндия, Курляндия, Эстляндия и сибирские губернии не имеют крепостного населения; общее число жителей 10 750 000.

2) В губерниях Архангельской, Вятской, Астраханской, Олонецкой, Таврической, в Бессарабской области и закавказских владениях число крепостных крестьян так незначительно, что с уничтожением обязательного труда не может произойти никакой чувствительной перемены в экономических отношениях, по которым возделывается земля (в Архангельской губернии наименьшая пропорция — крепостные люди не составляют и одной 15-тысячной части населения; в Таврической губернии, где пропорция их наиболее значительна, они не составляют и одной 15-й части населения). Общее число жителей 6 250 000.

3) Из остальных губерний: А) имеют более 1 400 жителей на квадратную милю: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Киевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская (по Тенгоборскому), также Харьковская (по Кеппену, см. Месяцеслов, 1855). Общее число жителей 19 000 000.

В) За вычетом количества неудобной земли, превышающего 5-процентную пропорцию, имеют более 1 400 жителей на квадратную милю губернии: Гродненская, С.-Петербургская, Екатеринославская. Общее число жителей 2 750 000.

С) За вычетом городского населения, имеют более 1 000 сельского населения на квадратную милю: Черниговская, Воронежская, Владимирская, Нижегородская, Ковенская, Казанская, Тверская, Волынская, Смоленская. Общее число жителей 11 500 000.

Д) За вычетом неудобных земель, сельского населения приходится более 1 000 душ на милю в губерниях: Виленской, Могилевской, Витебской, Херсонской. Общее число жителей 3 250 000.

Губернии и области, нами исчисленные, или не имеют обязательного труда, или уже по самой плотности своего населения находятся в таком состоянии, при котором для землевладельца наемный труд выгоднее обязательного. Число жителей всех этих губерний составляет цифру 53 500 000.

Затем остаются губернии: Пермская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Костромская, Ставропольская, Минская, Новгородская, Вологодская, Псковская и Земля донских казаков с общим населением в 13 250 000.

Эти области не имеют столь густого населения, чтобы одна плотность его уже указывала на то, что наемный труд для возделывания полей выгоден в них землевладельцу. Зато в большей части из них существуют другие условия быта, приводящие к тому же результату: в одних областях — чернозем, уменьшающий издержки найма, в других — выгодный сбыт в приморские порты или в столицы, с избытком заменяющий малочисленность местных потребителей. «В большей части этих областей», а не во «всех без исключения этих областях» сказали мы только потому, что сельскохозяйственная

Теперь спрашивается: могут ли все области Русской империй с громадным населением в 63 000 000 человек, — могут ли эти области, в которых даже для самих помещиков выгодно отменение крепостного права, — могут ли они подвергаться всем бесчисленным неудобствам, вытекающим из обязательного труда, потому только, что в двух или трех небольших округах, не имеющих и 3 500 000 населения, для некоторых землевладельцев наемный труд может быть (не наверное, вовсе нет, а только может быть, да и то едва ли) будет менее выгоден, нежели обязательный? Припомним еще, что даже для этих немногих землевладельцев небольших округов наемный труд, без сомнения, будет приносить выгоду, и сомнение только в том, будет ли он приносить им столько выгоды, сколько обязательный*.

статистика наша разработана еще очень мало, и о состоянии сельского хозяйства в некоторых областях нет у нас точных сведений; но о всех тех областях, о которых есть точные сведения, известно, что возделывание хлеба наемным трудом выгодно в них даже ныне, — нет, напротив того, ни одной области, о которой было бы известно, что он в ней невыгоден. Исчислим же те из многоземельных областей, в которых и ныне, по достоверным сведениям, земледельцу выгодно возделывание полей наймом.

Ставропольская губерния, подобно другим Новороссийским, с выгодой возделывает поля наемным трудом.

Саратовская губерния также, — это доказывается хозяйством колонистов, имеющих множество наемных сельскохозяйственных работников; доказывалось также множеством примеров русских купцов, разночинцев и поселян, также возделывающих поля наемным трудом.

Таков же, как в Саратовской губернии, характер хозяйства в Симбирской.

То же самое в Земле донских казаков.

То же самое (по свидетельству самого Гакстгаузена) в Вологодской губернии.

В Пермской губернии наемный труд также выгоден.

В Оренбургской губернии также, и притом число крепостных крестьян незначительно.

Самарская губерния, составившаяся из уездов Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Астраханской губерний, может с такой же выгодой, как и те, возделывать хлеб наемным трудом.

Во всех этих губерниях и областях находится жителей 9 750 000.

С прежним итогом эта цифра составляет 63 250 000 жителей.

Остаются губернии: Костромская, Минская, Новгородская, Псковская, о которых мы не знаем, возделывается ли в них с выгодой хлеб наемным трудом, — того, что в них это не представляло бы выгоды, мы не имеем права сказать. Все эти губернии, единственные, в которых недостоверно (хотя и вероятно) выгодность наемного сельскохозяйственного труда, едва имеют жителей 3 500 000.

В том числе крепостных крестьян менее 2 000 000 душ обоего пола.

Если в Вологодской и Вятской губерниях, имеющих климат более холодный и население не более плотное (Вятка), или даже гораздо менее плотное (Вологда), наемный труд выгоден, то мы имеем всю вероятность ожидать, что точные сведения покажут его выгодность и для этих областей.

* По Тенгоборскому, число всех помещиков в губерниях Новгородской, Псковской, Костромской и Минской — 12 107; из них имеют менее 20 душ, то есть ни в каком случае не могут сколько-нибудь порядочным образом жить доходами со своих поместий, 6 323. Остается помещиков, у которых

Таков результат, к которому приводит применение к России той нормы, которая поставлена Токером. Но мы заметили, что эта норма, под которую уже подходит почти вся Европейская Россия, слишком высока. Было бы слишком долго здесь излагать, почему должно признать слишком высоким число 66 жителей на квадратную английскую милю, при котором, по Токеру, начинается решительная невыгодность обязательного труда для землевладельцев. Довольно будет указать один факт: северные штаты Американского Союза, в которых нет обязательного труда, процветают, как известно, при свободном труде, и все жители их, землевладельцы и земледельцы, капиталисты и работники, одинаково думают, что для всех их было бы разорением, если бы существовал у них обязательный труд. Между тем густота населения в этих штатах гораздо меньше, нежели в Европейской России*.

Но зачем искать за Атлантическим океаном примеров того, что в землях, населенных гораздо меньше, нежели русские области с крепостным правом, наемным трудом поля возделываются с выгодой против обязательного труда? У нас под глазами Финляндия, в которой населенность гораздо меньше, нежели во всех наших губерниях с крепостным правом, в которой климат суровее,

---

доходы с поместьев имеют некоторую важность, 5 784. Итак, с одной стороны, благо государства и прямая выгода 63 000 000 человек (не говоря уже про облегчение судьбы крепостных крестьян), с другой — *быть может*, некоторый убыток для 5 784 лиц, — *быть может*, некоторый убыток, а быть может, также и для них самих выгода.

* Вот цифры населения северных (не имеющих обязательного труда) штатов Американского Союза за 1850 год:

1) Штаты Новой Англии (Мэн, Ньюгемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут) 2 727 579 жителей на 63 226 английских квадратных милях, то есть 43,07 жителей на квадратную английскую милю, или 915 на квадратную географическую милю. В Европейской России гораздо гуще населены губернии: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Киевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская, Черниговская, Воронежская, Владимирская, Нижегородская, Гродненская, Ковенская, Казанская, Харьковская, С.-Петербургская, Тверская, Волынская, Виленская, Смоленская, область Бессарабская, губерния Могилевская, также Царство Польское, Курляндия и Лифляндия. Равную этим штатам населенность имеют губернии Симбирская и Витебская.

2) Северо-западные штаты (Индиана, Иллинойс, Мичиган, Уисконсин и Иова) 5 168 000 жителей на 308 210 квадратных английских милях, то есть по 16,75 жителей на квадратную английскую милю, или 356 жителей на квадратную географическую милю; в Европейской России почти все области гораздо более населены; менее 356 жителей на квадратную географическую милю имеют только губернии Архангельская, Астраханская, Олонецкая, Великое княжество Финляндское (во всех этих областях нет обязательного труда) и губернии Вологодская, Пермская, Оренбургская и Земля донских казаков (во всех этих областях наемный труд в земледелии выгоден, как известно из положительных фактов). Во всей остальной Европейской России население гуще, нежели в этих штатах, и, стало быть, надобности в обязательном труде еще меньше, нежели в них.

почва неблагодарнее, нежели в русских областях нашей империи. Мы видим, что наемный труд финляндского земледелия приносит владельцам земли более выгод, нежели получают наши землевладельцы от земледелия с обязательным трудом.

Но Финляндия населена иным племенем, с другими привычками? Есть у нас пример и в одноплеменных нам странах. Сибирь с своим чрезвычайно редким населением превосходно возделывает свои поля без обязательного труда. Впрочем, зачем ходить в Азию, когда много таких примеров и в Европейской России? Архангельская и Олонецкая губернии — самые малонаселенные страны Европейской России, и, однакоже, вовсе не нуждаются в обязательном труде тамошние землевладельцы для того, чтобы с выгодой для себя возделывать каждый удобный для хлебопашества кусок земли.

Если наемный земледельческий труд во всех без исключения странах Европейской России, допускающих по своему климату земледелие, выгоден, то мы не знаем, зачем после этого нужно существование обязательного труда. «Затем, — говорит Гакстгаузен, — чтобы издержки производства не падали на землевладельца» — а, это хорошо.

Впрочем, едва ли не напрасно оспаривали мы вывод Гакстгаузена о необходимости обязательного труда, — он сам отступает от этого вывода, говоря, что есть средство с выгодой вести хозяйство наемным трудом: нужно только, чтобы наемные работники не сидели сложа руки, — для этого следует или нанимать их только на время полевых работ, или во время зимы, когда нет полевых работ, давать им другое занятие. Если таким легким способом, по мнению Гакстгаузена, можно сделать наемный земледельческий труд выгодным, к чему же толковал он и особенно к чему еще решительней его толковал вслед за ним Тенгоборский о надобности в обязательном труде? И к чему опять после того начинает он толковать о необходимости того же обязательного труда для сохранения больших помещичьих хозяйств? Ведь он сам уже объяснил, каким образом они удобно могут поддерживаться и без обязательного труда.

В заключение всего, наделав противоречий самому себе, Гакстгаузен говорит, что обязательные повинности должны быть ограничены законом, и Тенгоборский наивно прибавляет, что в действительности русский крепостной крестьянин *n'est pas taillable et corvéable à volonté*, как некогда французский. Так смело противоречить фактам можно только в книге, писанной на иностранном языке, назначенной не для русских читателей, из которых каждому слишком хорошо известны следующие факты:

Заменить барщину оброком или ссадить крестьян с барщины на оброк зависит от воли помещика. Надобно ли объяснять, что такие перемены чаще всего производятся в видах увеличения доходности имения?

При оброчном положении величина оброка зависит совершенно от воли помещика.

При барщине воля помещика определяет:

1) Пространство господской запашки; от него зависит число рабочих дней.

2) Дополнительные к барщине сборы натурой (полотно, ягоды, куры, яйца и т. д.).

3) Отправление обозной повинности.

При оброке и барщине воля помещика одинаково определяет, до каких лет мужик несет тягло.

Это главные и общие черты того влияния, которое имеет воля помещика на величину повинностей.

Надобно ли прибавлять, что от воли того же лица зависит, останется ли оно верно обыкновенному порядку, какого держится большинство, или вздумает отличаться от большинства какими-нибудь особенностями, то есть удовольствуется ли этими и другими обыкновенными способами получения доходов от обязательного труда, или введет другие способы?

Из этих способов, которых не держится большинство помещиков, но принять которые может каждый желающий помещик, назовем хотя следующие:

1) Учреждение завода или фабрики с обязательным трудом.

2) Соединение оброка с барщиной двумя путями: А) с преобладанием барщины, причем денежный оброк есть уже, так сказать, сверхкомплектный оклад (независимый от дополнительных сборов, упомянутых выше); В) с преобладанием оброка, при котором барщина есть уже, так сказать, сверхкомплектный оклад. Например: А) полная барщина во все время полевых работ с оброком в 5 или 10 рублей с тягла на зиму; В) оброк в 20 или 30 рублей с тягла с работой по одной или по полуторы недели во время запашки и сенокоса.

3) Перевод пахотных крестьян всей деревни на месячину.

4) Поставка рекрутов сверх комплекта.

Этих способов можно бы назвать гораздо больше, но полного списка их никогда не только нам, но и никому в мире не удалось бы составить, потому что изобретательность человеческого ума неисчислима.

При всех своих уверениях в необходимости сохранить в России обязательный труд Тенгоборский почему-то, вероятно вследствие внутреннего увлечения ошибочными мнениями, которые так основательно опроверг, начинает говорить о средствах уменьшить объем и произвол обязательного труда и даже вовсе уничтожить эту повинность. Он чрезвычайно восхищен, заметив, что в некоторых поместьях барщина заменяется оброком, а в некоторых поместьях вводится урочное положение, и воображает, что это великий шаг вперед и что оброк чуть ли уже не есть превращение обязательного труда в поземельную ренту, то есть уничтожение

обязательного труда; из такой прекрасной мечты он выводит, что можно правительству и не заботиться об этом деле, — оно, дескать, совершается само собой, по воле самих землевладельцев, по местным удобствам, без участия правительства, и во всяком случае составляет местный, а не государственный вопрос.

Мечта эта прелестна, как лучшая из идиллий Теокрита. Чтобы верить ей, нужно только два очень легкие условия: не понимать или отвергать факты и спутывать самые основные экономические понятия.

Барщина иногда заменяется оброком, — есть ли это уменьшение произвола в наложении обязательного труда? Вовсе нет, напротив, произвол увеличивается. Обычай и в случае нужды закон может мешать увеличению барщины выше трех дней; размер оброка не зависит ни от обычая, ни от закона, он весь в произволе. Когда барщина обыкновенно заменяется оброком? Тогда, когда он выгодней для помещика, нежели барщина; потому результат его вообще — увеличение, а не уменьшение обязательных повинностей. Барщина касается только сельскохозяйственного, извозного и фабрично-заводского труда, оброк обнимает все промыслы и занятия. Торговец из крепостных людей по системе барщины должен был бы только поставить вместо себя работника, то есть отправлять повинность ценой в 20, 30 рублей серебром в год; но он платит оброк в 50, 100 и более рублей. Мы вовсе не отдаем преимущества барщине перед оброком, мы говорим только, что оброк нимало не составляет шага вперед к уменьшению произвольности в наложении обязательных повинностей.

Притом, если барщина иногда заменяется оброком, то разве иногда не сводится деревня обратно с оброка на барщину? Кто считал, которое из этих двух направлений имеет перевес в общей массе?

Урочное положение также зависит от воли помещика; и стоит ли говорить об этом изменении, которое, может быть, и удобно для сельских работ, но нимало не относится до различия между наемным и обязательным трудом? Наемный труд точно так же, как и обязательный, бывает поденный или урочный; при наемном труде урочное положение очень часто выгодно для усиления производства; при обязательном труде это бывает далеко не всегда, потому что уроки определяются, подобно величине оброка, односторонним образом, и размер их часто ведет только к расширению трехдневной работы на четырехдневную и более, через определение таких поденных уроков, которых нельзя исправить в день, и через пропажу для мужика дней неудобной погоды; при таком порядке энергия труда может ослабевать даже более, нежели при поденной работе. То же самое часто бывает и следствием оброка.

«Оброк есть шаг к замене обязательного труда поземельной рентой» — вовсе нет. Оброк есть средство получать с поместья

больше доходов, нежели могла бы доставить барщина; ни к чему другому ни средством, ни шагом он не служит. Чрезвычайно любопытно сближение его с поземельной рентой: оно совершенно похоже на сближение обязательного труда вообще с наемным трудом. Рента определяется свободной торговой сделкой между отдающим и нанимающим землю точно так, как плата за работу свободным торгом между нанимателем и нанимающимся. Оброк назначается волей землевладельца точно так же, как и вообще размер обязательного труда. Ни на один волос не ближе оброк к ренте, нежели барщина к найму.

«Правительство может не заботиться об уничтожении обязательного труда», — ну да, оброк все равно, что рента, ну да, оброком уже уничтожается обязательный труд.

«Во всяком случае отменение обязательного труда должно быть местным вопросом». Умилителен ловкий оборот, придаваемый делу словами «местный вопрос». Что это значит? То ли, что по различию местностей формы и размеры вознаграждения, определяемые землевладельцу за отмену обязательного труда и передачу части земель крестьянам, должны быть различны? Но в этом смысле все совершающееся в государстве подойдет под формулу местного вопроса. Государство берет поземельную подать с крестьян, живущих на государственных землях; величина этой подати не по всему государству одинакова, напротив, сообразна местным условиям. Десятина земли в одной губернии платит больше, нежели в другой, в одном уезде больше, нежели в другом. Государство дает жалованье учителям гимназий и армейским офицерам; форма выдачи различна; офицеры получают жалованье по третям, учителя гимназий — по месяцам; и размер жалованья различен по местностям: тот самый учитель латинского языка, который в Петрозаводске получает 500 рублей серебром, в Пензе получает только 400, потому что в Петрозаводске содержание дороже, нежели в Пензе; вопрос о жалованьи решен, как видим, по местным условиям. Если это хотел сказать Тенгоборский, каждый согласится с ним. Но попробуйте согласиться на выражение «местный вопрос», и через пять минут вам объяснят защитники обязательного труда, что умысел другой тут был, и какой именно умысел — слишком ясно доказывается всеми предшествовавшими рассуждениями Тенгоборского о том, что необходимо сохранить крепостное право, а если суждено когда-нибудь уничтожиться этому выгодному для нас учреждению, то подождем того времени, когда барщина сама собой заменился оброком, а оброк сам собой обратится в ренту, от которой он, впрочем, мало чем и отличается, а правительству, дескать, хлопотать об этом нечего.

«С течением времени обязательный труд облегчается смягчением нравов, и правительству нет надобности вмешиваться в эти дела». В ответ на это выпишем несколько слов из Рошера⁹, кото-

рого никто не назовет человеком мрачного взгляда на вещи или любителем перемен или партизаном правительственного вмешательства в экономические отношения.

«Прогресс цивилизации отягощает бремя обязательного труда. По мере того, как возрастают требования роскоши, бездна, отделяющая господина от слуги или крестьянина, расширяется с каждым днем. По мере того, как развиваются промышленность и торговля, господин находит все больше и больше выгоды требовать чрезмерного труда. По мере того, как с развитием общества покровительство законов становится все более и более действительным, опасение насилий — эта последняя узда, которая могла бы удерживать жадность, — становится все более и более слабым, а между тем деморализация и господ и слуг все увеличивается соразмерно возрастанию роскоши. С обеих сторон страдает чистота нравов. Лепо древней комедии был хозяин невольниц. В английских вест-индских колониях, когда существовало там невольничество, часто случалось, что посетитель, приехавший в гости к плантатору, уходя спать, говорил провожавшему его негру, чтобы прислать ему девушку, и говорил это, стесняясь и совестясь так же мало, как если бы в Англии просил зажечь в своей комнате на ночь лампу.

Этим объясняется, почему у всех почти народов, при развитии цивилизации, государственная власть старалась о смягчении обязательного труда. Самодержавная монархия у всех почти народов видела себя в необходимости энергически содействовать уничтожению обязательного труда и вообще улучшению участи низших классов. В Италии Фридрих II освободил всех государственных невольников. В Англии Альфред Великий старался, хотя безуспешно, об освобождении невольников. Вильгельм I имел более успеха. Королева Елисавета совершила то же в Англии, что Фридрих II в Италии. Даже в России царь Иоанн III возвратил крестьянам свободу перехода, которой лишились они во время монгольского ига; но они снова потеряли это право в смутные времена при начале XVII века, когда усилилось значение вельмож в правительственных делах. В Богемии, когда при Владиславе II усилилось дворянство, было восстановлено крепостное право, уничтоженное в прежние времена. Датская аристократия, когда усилилась в государстве, также подчинила крепостной зависимости свободных поселян.

Наконец при высокой степени развития цивилизации непреодолимая сила общественного мнения приводит к уничтожению всех остатков рабства» *.

Кому это объяснение необходимости правительственных мер к отменению обязательного труда покажется недостаточным,

---

* Рошер, «Основания политической экономии», перевод Воровского, часть I, §§ 72 и 73.

тому, конечно, будет приятно прочесть следующие соображения, которыми, как нам кажется, совершенно отстраняется всякое сомнение по этому вопросу.

Сделаем полнейшую уступку теории, говорящей, что правительство не должно вмешиваться в политико-экономические отношения. Положим, что правительство никогда ни в какой форме, ни при каких обстоятельствах не должно касаться дел, совершающихся под влиянием политико-экономических принципов. Мы выразили правило о независимости экономического труда от административных мер с такой безусловной энергией, от которой далеки самые ревностные приверженцы этой системы. Прекрасно, что же из этого следует? Правительство не должно нарушать независимого действия политико-экономических отношений; так; каких же принципов и отношений не должно касаться правительство? Политико-экономических. Теперь: обязательный труд принадлежит ли к политико-экономическим принципам, отношения, им порождаемые, подлежат ли правилам политико-экономической науки? Нет. По словам Шторха¹⁰, в его лекциях, читанных покойному государю Николаю I, тогда бывшему великим князем, — по словам Шторха, «обязательный труд не подлежит ведению политической экономии; он совершенно чужд кругу понятий и отношений, подлежащих этой науке и ее правилам». Все ученые, занимавшиеся политической экономией, от Адама Смита до Рощера, согласны в этом.

Таким образом, думайте, как хотите, о зависимости или независимости политико-экономических принципов и отношений от правительства, — ваши политико-экономические теории нисколько не прилагаются к вопросу об обязательном труде. Обязательный труд — явление, совершенно чуждое правилам политической экономии, историческое явление совершенно иной сферы. Он и возникает и держится в противность всяким экономическим принципам; это явление чисто историческое, возникающее из отношений и событий, подлежащих ведению политики, военного быта, административной власти, но никак не политической экономии. Роль его относительно политико-экономических принципов — роль препятствия их развитию. Правительство имеет не только право, оно, по требованию всех экономистов, имеет прямую обязанность удалять от народной жизни все препятствия действию экономических принципов. Например, когда в государстве мало безопасности на дорогах, это препятствует развитию экономических принципов, и потому государство не только может, но прямым образом обязано водворить безопасность на дорогах¹¹. Точно так же, по мнению всех экономистов, правительство обязано всеми своими силами поддерживать правосудие, наблюдать за исполнением контрактов, карать преступления и т. д. Точно таковы же его обязанности по делу свободного труда, который один признается политической экономией: прямая

обязанность правительства состоит из отстранения всех препятствий к развитию этого экономического принципа.

Каким образом правительственная власть отстраняет препятствия действию экономических начал, это дело чисто административной науки, дело политики, но не политической экономии. Политическая экономия требует результата; каким путем политика и администрация достигнут этих результатов, для политической экономии все равно.

Этот аргумент совершенно достаточен для здравого смысла. Но, кроме здравого смысла, бывают в людях страсти. Против них существуют аргументы еще более точные и т. д.

В этой статье мы говорили вообще о благотворности дела, начатого высочайшими рескриптами от 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года. В следующей должны мы говорить в частности о каждом из оснований, на которых должна быть по этим рескриптам совершена великая реформа, ими начинаемая.